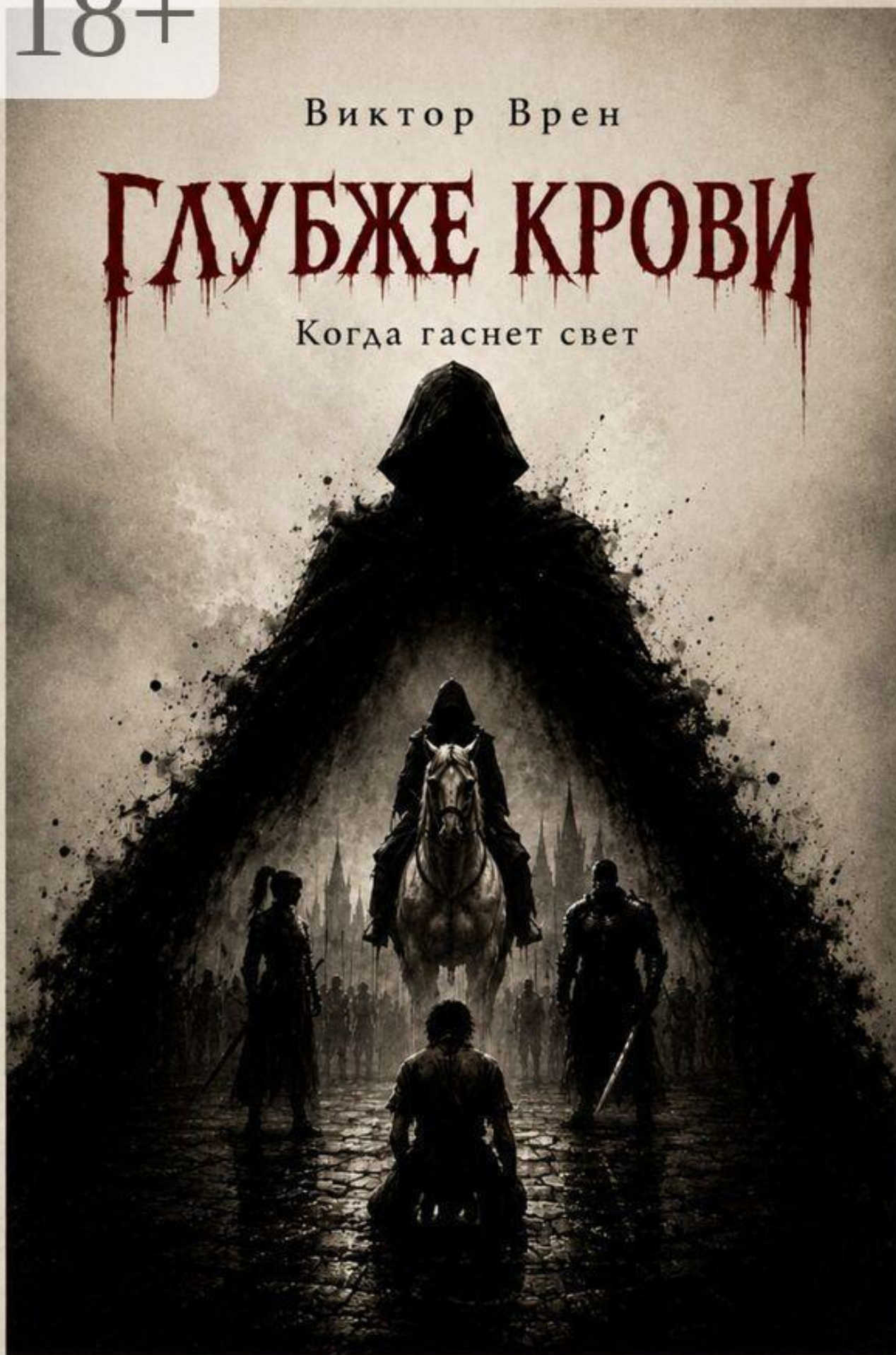


18+

Виктор Врен

ГЛУБЖЕ КРОВИ

Когда гаснет свет



Виктор Врен

Глубже крови. Когда гаснет свет

«Издательские решения»

Врен В.

Глубже крови. Когда гаснет свет / В. Врен — «Издательские решения»,

Кайлан не искал своё место в мире — он просто пытался дожить до завтра. Но мир нашёл его сам и предложил больше, чем он мог себе представить: людей, которым можно доверять, цель, ради которой стоит бороться, и что-то похожее на дом. А потом начал забирать всё это обратно. Медленно. По одному. Пока не осталось ничего, кроме выбора — сломаться или стать чем-то другим.

© Врен В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	56
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Глубже крови. Когда гаснет свет

Виктор Врен

© Виктор Врен, 2026

ISBN 978-5-0070-6241-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Тьма не приходит извне — она заполняет место тех, кто ушёл. И однажды понимаешь: предали не враги. Предали те, ради кого ты бы не предал никогда. Эта книга не осуждает. Она только показывает, во что превращается человек, когда свет гасят те, кто должен был его беречь.»

Глава 1

«Падение»

Голод — это когда внутри всё сжимается в комок, а потом этот комок начинает грызть тебя изнутри. Кайлан знал это чувство так хорошо, что перестал его бояться. Страх ушёл где-то на третий день без еды. Остались только пустота и злость.

Он стоял в тени между двумя покосившимися домами, прижавшись спиной к сырой стене. Переулок Трёх Ножей — так его называли, хотя Кайлан никогда не видел здесь ножей. Только грязь, крыс и таких же голодных, как он. Стена царапала спину даже через рваную рубаху, но он не двигался. Нельзя двигаться, когда высматриваешь добычу.

А добыча была прямо там — через узкую щель между домами, на залитой солнцем площади. Лотки торговцев выстроились ровными рядами, и над ними поднимался запах, от которого у Кайлана свело живот. Свежий хлеб. Жареное мясо. Что-то сладкое — может, пироги с ягодами, о которых он только слышал.

Кайлан сглотнул. Во рту было сухо, как в пыли.

Площадь называлась Серебряной, потому что когда-то её вымостили светлым камнем. Теперь камень потемнел от времени и грязи, но всё равно оставался чище, чем месиво в переулках. Здесь ходили люди в хороших плащах, с круглыми лицами и спокойными глазами. Они покупали еду, не считая монет. Просто протягивали руку, брали, что хотели, и уходили дальше — к другим лоткам, к другим покупкам. Вот так легко. Как будто еда сама собой появлялась в их руках, а не отнималась у кого-то другого.

Кайлан стиснул зубы.

За его спиной, в глубине переулка, где солнце не доставало даже в полдень, ютились покосившиеся лачуги. Стены из гнилых досок, крыши из соломы и тряпья. Оттуда тянуло сыростью, плесенью и ещё чем-то — таким мерзким, что Кайлан давно перестал замечать. Там жили те, кто не смог найти работу. Или потерял её. Или сбежал от хозяев. Или родился не в том месте, не в то время.

Как он.

Кайлану не нравилось думать о том, откуда он взялся. Память была мутной, размытой, как отражение в грязной луже. Он помнил женщину с тёмными волосами — может, мать, может, нет. Помнил, как она кашляла по ночам, долго и страшно, а потом однажды перестала. Помнил, как его вытолкнули из какого-то дома — или он сам убежал, не важно — и он оказался здесь, в переулках, где выживали только те, кто умел красть, драться и прятаться.

Ему удавалось. Пока что.

На площади женщина в синем платье остановилась у лотка с хлебом. Торговец — толстяк в грязном фартуке, с красным лицом и маленькими глазками — сразу расплылся в

улыбке. Начал показывать буханки, рассказывать что-то, размахивать руками. Женщина слушала, кивала, тыкала пальцем то в одну буханку, то в другую.

Кайлан медленно вышел из тени.

Сердце билось так громко, что казалось — все его услышат. Но никто не оборачивался. Люди на площади жили в своём мире, где не было голода и страха. Они не смотрели в переулки. Не замечали теней. Для них он просто не существовал — ещё один грязный мальчишка, которых в столице было столько, что их перестали считать.

Он сделал шаг. Потом ещё один.

Ноги были босые — обувь развалилась ещё две недели назад, и Кайлан выбросил её, потому что волочить по земле тряпки было глупо. Камни площади были тёплые от солнца, почти горячие. Приятно. Но он не мог об этом думать. Только о хлебе. Только о том, как дотянуться, схватить и бежать быстрее, чем торговец успеет крикнуть.

Расстояние сокращалось. Десять шагов. Восемь. Пять.

Торговец всё ещё говорил с женщиной. Она теперь жаловалась на цены — Кайлан слышал обрывки слов. «Слишком дорого... в прошлом месяце было дешевле... это безобразие...» Торговец разводил руками, оправдывался, клялся, что цены подняли не по его воле, а по указу сверху. Женщина фыркала, но продолжала выбирать.

Три шага.

Кайлан скользнул к краю лотка, туда, где стояла плетёная корзина. Круглые буханки, золотистые, ещё тёплые. Их пекли утром в пекарне на Мосту Павших — Кайлан знал, потому что иногда крался туда на рассвете, когда пекари выносили первую партию. Запах доносился даже в трущобы, и от него хотелось выть.

Он протянул руку.

Пальцы почти коснулись корки — шершавой, хрустящей, обсыпанной мукой.

— Эй, ты! — голос ударил сбоку.

Кайлан дёрнулся, но не отступил. Рядом с корзиной стоял мальчишка — чуть старше его, в чистой рубашке и кожаных сапогах. Держал в руке яблоко и смотрел прямо на Кайлана широко раскрытыми глазами.

Их взгляды встретились.

Мальчишка открыл рот — чтобы крикнуть, позвать торговца, поднять тревогу.

Кайлан не думал. Рука метнулась к корзине, пальцы сомкнулись на тёплой буханке. Он схватил её, прижал к груди и рванул назад, в переулок, не оглядываясь.

— Вор! — крик торговца ударил в спину. — Держите его! Вор!

Ноги сами несли его вперёд. Камни площади, потом грязь переулка, потом снова камни — другой переулок, узкий, где приходилось протискиваться боком между стенами, обдирая плечи о шершавое дерево. Сердце колотилось так сильно, что грудь болела. Лёгкие горели. Но останавливаться было нельзя. Никогда нельзя останавливаться, пока не оторвёшься.

За спиной раздавался топот. Тяжёлый, неуклюжий — наверное, сам торговец побежал следом, или кто-то из покупателей, кому нечем было заняться. Кайлан не оборачивался. Знал эти переулки лучше, чем кто-либо. Каждый поворот, каждый тупик, каждый лаз. Они были его домом. Единственным домом, который у него был.

Он свернул направо — в проход такой узкий, что взрослый человек туда не пролез бы. Потом налево, нырнул под покосившийся навес, перепрыгнул через лужу с чем-то мутным и вонючим, пролез через дыру в заборе, которую никто, кроме мальчишек, не знал.

Топот отдалился. Потом стих совсем.

Кайлан пробежал ещё немного — на всякий случай, потому что иногда они возвращались, прочёсывали переулки — и только тогда остановился, прислонившись к стене и тяжело дыша. Хлеб всё ещё был в руках, тёплый и реальный. Он посмотрел на него и почувствовал, как внутри разливается что-то горячее и острое.

Победа.

Маленькая, жалкая, но победа.

Он сполз по стене вниз, сел прямо в грязь — не важно, она всё равно въелась в одежду так, что уже не отстирается — и поднёс буханку к лицу. Запах был такой сильный, что закружилась голова. Кайлан зажмурился, вдыхая его, стараясь запомнить. Потому что завтра снова будет голод. И послезавтра. И всегда.

Он откусил кусок — не отламывал, не отрезал, впился зубами в корку и оторвал. Хлеб был мягкий внутри и хрустящий снаружи. Тёплый. Чуть сладковатый, с привкусом соли. Кайлан жевал медленно, стараясь растянуть удовольствие, но голод был сильнее. Он съел половину буханки почти не дыша, запихивая куски в рот так быстро, что чуть не подавился.

Потом заставил себя остановиться.

Вторую половину нужно было сохранить. На завтра. Или на послезавтра. Если доживёт до послезавтра.

Кайлан спрятал остаток хлеба за пазуху, под рубаху, поближе к телу, чтобы никто не увидел. Прислонился затылком к стене. Усталость навалилась разом, придавив к земле тяжёлым одеялом. Хотелось закрыть глаза и не открывать. Сидеть здесь, в тени, где никто не найдёт, и ни о чём не думать.

Но так нельзя.

В переулках оставаться опасно, когда темнеет. Банды начинают охотиться — на таких, как он. Одиноких. Слабых. Тех, у кого можно отнять последнее. Они приходят из глубины трущоб, где даже стража не сует нос, и берут всё, что захотят. Еду. Одежду. Иногда — самих мальчишек, если те им зачем-то нужны.

Раньше у Кайлана была банда. Серые Крысы — так они себя называли, потому что крысы выживают везде, даже там, где людидохнут. Шестеро мальчишек и одна девчонка, которая дралась лучше всех и плевалась, когда злилась. Они держались вместе, делили еду, прикрывали друг друга спины. Спали в одной заброшенной конюшне, где ещё пахло сеном и лошадьми, хотя лошадей не было уже много лет.

Это было... хорошо. Почти как семья. Почти.

Потом пришла зима. Холодная, злая, с ветром, который резал кожу и забирался под одежду, сколько бы тряпья на себя ни наматывал. Двое умерли от лихорадки — кашляли кровью и бредили, а потом просто не проснулись однажды утром. Один пропал — ушёл воровать и не вернулся. Может, его поймали. Может, убили. Никто не знал. Девчонку схватила стража — Кайлан видел, как её тащили за руки, а она вырывалась и кричала. Больше её никто не видел.

Остальные разбежались. Кто-то нашёл работу — мыл посуду в таверне за корку хлеба. Кто-то ушёл в другую банду, посильнее. Кто-то исчез.

Кайлан остался один.

Он не знал почему. Может, потому что слишком упрямый. Может, потому что не умел просить о помощи. Может, не хотел ни к кому привязываться, чтобы не терять снова.

Солнце клонилось к закату — он видел, как тени на стенах становятся длиннее, ползут по земле, поглощая остатки света. Скоро стемнеет. Нужно найти место для ночлега. Где-нибудь на крыше, куда можно забраться по водосточной трубе. Или в заброшенном доме, где половицы прогнили так, что проваливаются под ногами, но зато там никто не живёт. Или...

Кайлан закрыл глаза.

На минуту. Только немного отдохнуть.

Внутри всё ещё было пусто — несмотря на хлеб, несмотря на то, что желудок перестал болеть. Пустота была не от голода. Она была от чего-то другого, чего Кайлан не понимал и не хотел понимать.

Он открыл глаза.

Встал, отряхнул грязь с штанов — бесполезно, она всё равно осталась — и пошёл вглубь переулков, туда, где стены смыкались так близко, что между ними едва проходил. Там, в темноте, было безопаснее. Там его никто не найдёт.

По крайней мере, до завтра.

Темнота накрыла переулки быстро, как всегда. Одна минута — и солнце исчезло за крышами, оставив только серый сумрак, в котором всё становилось размытым и чужим. Кайлан шёл, прижимаясь к стенам, стараясь не шуметь. Хлеб под рубахой давил на рёбра, напоминая о себе. Тёплый. Настоящий. Его.

Но тишина была неправильная.

Обычно в это время переулки наполнялись звуками — кашель из лачуг, плач младенцев, ругань пьяных, скрежет крыс по камням. Сейчас было тихо. Слишком тихо. Как перед грозой, когда даже воздух замирает, ожидая первого удара грома.

Кайлан замедлил шаг.

Инстинкт — тот самый, что не давал ему сдохнуть все эти годы — заорал внутри: беги. Прямо сейчас. Не думай, беги!

Но было уже поздно.

Они вышли из-за угла — трое. Нет, четверо. Ещё один появился сзади, отрезая путь назад. Кайлан узнал их сразу, хотя лица были скрыты сумраком. Банда Рыка. Старшие. Те, кто брал, что хотел, и никто не смел им отказать.

Рык шёл впереди — высокий, костлявый, с длинными руками и узким лицом, которое всегда казалось голодным, даже когда он жрал. На голове — грязная тряпка вместо шапки, на поясе — нож. Настоящий нож, с лезвием длиной в ладонь. Кайлан видел, как он им пользовался. Один раз. Больше не хотел видеть.

— Смотрите-ка, — голос Рыка был хриплый, с присвистом, как будто в горле что-то сломалось и не зажило. — Крысёнок. Один-единёшенек. Как это грустно.

Остальные захихикали. Трое за спиной Рыка — мальчишки помладше, но все равно старше и больше Кайлана. Один был толстый, с круглым лицом и маленькими глазками. Второй — рыжий, с гнилыми зубами. Третий — молчаливый, с длинным шрамом через всю щёку. Четвёртый, который стоял позади Кайлана, дышал так громко, что казалось, вот-вот задохнётся.

Кайлан сжал кулаки.

— Отойдите.

Рык остановился в трёх шагах. Наклонил голову набок, разглядывая его, как кот разглядывает мышь перед тем, как придавить лапой.

— Или что? — спросил он мягко. Слишком мягко. — Что ты сделаешь, Крысёнок?

— Не ваше дело, — Кайлан старался говорить твёрдо, но голос предательски дрогнул. — Я ничего у вас не брал. Идите своей дорогой.

— А мы не за тем, что ты взял, — Рык улыбнулся, обнажив жёлтые зубы. — Мы за тем, что у тебя есть. Чую я... — он шумно втянул воздух носом, — чую хлебушек. Свеженький. Тёпленький. Поделишься?

Кайлан отступил на шаг. Спина уткнулся в стену.

— Нет.

— Нет? — Рык присвистнул. — Слышали, пацаны? Он сказал «нет». Смелый. Или тупой. Хотя, наверное, и то, и другое.

Толстый мальчишка шагнул вперёд, протянул руку.

— Давай сюда. Сам отдашь — целее будешь.

Кайлан прижал руку к груди, к тому месту, где под рубахой лежал хлеб.

— Это моё. Я украл его. Я рисковал.

— И что? — Рык пожал плечами. — Теперь наше. Так всё работает, Крысёнок. Сильный берёт у слабого. А ты слабый. Всегда был.

Внутри что-то вспыхнуло. Горячее, злое, такое сильное, что на мгновение Кайлан перестал чувствовать страх.

— Пошли вы, — выдохнул он. — Все. К чёрту.

Тишина.

Потом Рык рассмеялся — коротко, резко, как лай собаки.

— Ну, раз так...

Он двинулся вперёд.

Кайлан не думал. Метнулся в сторону, пытаясь проскочить мимо, между Рыком и толстяком. Почти получилось. Пальцы уже касались свободного пространства, ноги несли его вперёд—

Кто-то схватил за рубаху сзади, рывком дёрнул назад. Кайлан потерял равновесие, упал на спину. Камни ударили по позвоночнику, выбив дыхание. Над ним склонилось лицо — рыжий, с гнилыми зубами, воняло изо рта чем-то кислым.

— Куда побежал? — прошипел он.

Кайлан попытался подняться, но на грудь навалился вес — толстяк сел на него, придавил к земле. Тяжёлый. Такой тяжёлый, что рёбра затрещали, а воздуха не хватало.

— Держите его, — приказал Рык.

Чьи-то руки схватили Кайлана за запястья, прижали к камням. Он дёргался, извивался, пытался вырваться, но их было слишком много. Сильнее. Больше.

Рык присел рядом на корточки. Лицо его было совсем близко, и Кайлан видел каждую царапину, каждый грязный след на коже.

— Давай по-хорошему, — сказал Рык почти ласково. — Отдай хлеб, и мы уйдём. Не отдашь — заберём сами, но тебе будет больно. Сильно больно. Выбирай.

Кайлан стиснул зубы.

— Идите... к чёрту...

Рык вздохнул.

— Жаль.

Удар пришёлся в живот — кулак вошёл глубоко, прямо под рёбра. Боль взорвалась внутри, белая, ослепляющая. Кайлан попытался закричать, но не смог — воздуха не было, только жгучая пустота в лёгких и желание умереть, лишь бы это прекратилось.

— Где хлеб? — Рык запустил руку под рубаху, шарил по груди, по животу. Пальцы были холодные и грубые. — А, вот он...

Нет.

Что-то внутри Кайлана сломалось. Не от боли — от ярости. Чистой, животной, такой сильной, что она сожгла страх дотла.

Он дёрнулся всем телом, извернулся, вырвал одну руку из захвата — не знал как. Вырвал и ударил. Кулак попал Рыку в лицо, в нос, хрустнуло что-то, брызнула кровь.

Рык заорал, отшатнулся.

— Сука!

Толстяк на секунду ослабил хватку — и этого хватило. Кайлан толкнул его, перекатился на бок, вскочил на ноги. Хлеб выпал из-за пазухи, упал на землю. Он схватил его, прижал к груди одной рукой, второй оттолкнул рыжего, который попытался перехватить его.

И побежал.

— Держите его! — голос Рыка был искажён болью и яростью. — Поймите эту крысу! Я ему глаза выдавлю!

Топот за спиной. Тяжёлый, злой, неотступный.

Кайлан бежал, не разбирая дороги. Ноги сами несли его по знакомым переулкам, сворачивали там, где нужно, перепрыгивали через лужи и кучи мусора. Лёгкие горели. В боку кололо. Но останавливаться нельзя. Нельзя.

Они были быстрее. Старше. Сильнее.

Он свернул направо — в узкий проход между двумя домами, где стены были так близко, что приходилось протискиваться боком. Услышал позади ругань — толстяк застрял, не мог пролезть.

— Другой дорогой! — крикнул Рык. — Отрежьте его с той стороны!

Кайлан выскочил из прохода, оглянулся. Двое — рыжий и шрамированный — бежали параллельно, по соседнему переулку. Сейчас выйдут с другой стороны. Отрежут.

Нужно было уходить вверх.

Он метнулся к стене, где торчали остатки старой лестницы — сгнившие деревяшки, еле держащиеся на ржавых гвоздях. Вскрабкался по ним, не думая о том, что могут сломаться. Одна доска треснула под ногой, но он уже хватался за край крыши, подтягивался, перекатылся через низкий парапет.

Крыша была покатая, покрытая старой черепицей. Некоторые плитки отсутствовали, некоторые шатались под ногами. Кайлан бежал по ней, балансируя на краю, стараясь не смотреть вниз, где между домами зияла темнота.

— Там! — крик снизу. — На крыше!

Он перепрыгнул на соседнюю крышу — расстояние было небольшое, но под ногами только пустота и смерть. Приземлился, покатился, больно ударился плечом о трубу. Вскочил, побежал дальше.

Крыши кончились. Впереди — край, а за ним ничего, только воздух и земля далеко внизу.

Кайлан остановился, тяжело дыша. Обернулся.

Рык карабкался по той же лестнице, по которой поднимался он. Медленно, но упорно. Лицо в крови — нос распух, один глаз почти закрылся. Но взгляд был ясный и злой.

— Некуда бежать, Крысёнок, — прохрипел он, выбираясь на крышу. — Конец.

Кайлан посмотрел вниз. Под крышей была узкая улочка, замусоренная, с кучами тряпья и досок. Высоко. Очень высоко. Если прыгнуть — можно сломать ноги. Или шею.

Он посмотрел на хлеб в руках. Половина буханки, слегка примятая, но целая.

Потом на Рыка, который шёл к нему, доставая нож.

И прыгнул.

Падение было коротким и долгим одновременно. Ветер свистел в ушах, желудок подпрыгнул к горлу. Земля неслась навстречу, твёрдая и беспощадная.

Кайлан врезался в кучу тряпья и старых мешков. Что-то хрустнуло — не кости, что-то под ним. Боль ударила в левое бедро, острая и горячая. Он перекатился, задыхаясь, пытаясь понять — жив ли, целы ли ноги, может ли встать.

Встал.

Ноги держали. Бедро болело, но не сломано. Хлеб всё ещё в руках.

Сверху донёлся вой ярости — Рык стоял на краю крыши, размахивал ножом, орал что-то нечленораздельное.

Кайлан не стал слушать. Развернулся и побежал прочь, хромя, но быстро. В темноту переулков, туда, где его не найдут. Где никто не найдёт.

Позади остались крики, проклятья, угрозы.

Но хлеб остался с ним.

Кайлан бежал, не разбирая дороги, пока лёгкие не начали гореть, а в боку не кольнуло так, что он согнулся пополам. Остановился, прислонился к стене, тяжело дыша. Переулки кончились — он выскочил на улицу, широкую, с ровными домами и мощёной дорогой. Не заметил как. Бежал, куда несли ноги, лишь бы подальше от Рыка.

Хлеб всё ещё прижимал к груди. Тёплый. Настоящий.

Он сделал шаг вперёд — и споткнулся о что-то. Камень, торчащий из мостовой. Или собственные ноги, которые больше не слушались. Покачнувшись, выставил руку, удержал равновесие. Выругался тихо, зло.

Поднял голову — и замер.

Перед ним была площадь.

Огромная. Такая большая, что казалось, она не кончается никогда — уходит за горизонт, за дома, за сам мир. Королевская площадь. Кайлан видел её раньше, но только издалека, из переулков, сквозь щели между домами. Никогда не стоял на ней. Никогда не был так близко.

Сейчас она была заполнена людьми.

Толпа стояла по обеим сторонам широкой дороги, ведущей к Серебряной Цитадели — белым башням, что вздымались над городом так высоко, что упирались в низкие облака. Люди молчали. Стояли и смотрели на дорогу, ожидая чего-то. Лица напряжённые, настороженные. Кто-то держал детей на руках. Кто-то шептался с соседями, но так тихо, что слов не было слышно.

Кайлан не понял сразу, что происходит. Хотел пройти мимо, скользнуть вдоль края, уйти дальше. Но ноги не двигались. Что-то держало его на месте — не страх, не любопытство. Что-то другое.

Потом он услышал звук.

Барабаны.

Глухие, мерные, как удары сердца великана. Бум. Бум. Бум. Доносились откуда-то справа, из-за поворота, где дорога уходила к городским воротам. С каждым ударом звук становился громче, ближе, наполнял воздух так, что его чувствовала кожа.

Толпа зашевелилась. Кто-то выпрямился. Кто-то отступил назад. Шёпот стих совсем.

Кайлан стоял у самого края дороги, там, где кончалась толпа и начинался пустой простор мощёных камней. Хлеб всё ещё прижимал к груди, но теперь забыл о нём. Смотрел туда, откуда шёл звук.

Из-за поворота показались знамёна.

Высокие древки, увенчанные красными полотнищами с золотым гербом — коронованный лев, стоящий на задних лапах, с мечом в передней лапе. Символ Кэлдора. Символ короля. Ткань была рваная по краям, выцветшая, с тёмными пятнами — может, грязь, может, что-то другое. Развевалась на ветру вяло, устало. Золотая вышивка потускнела, местами оборвалась.

За знамёнами шли барабанщики — шестеро мужчин в красных мундирах, которые когда-то были яркими, а теперь покрылись пылью и грязью. Били в такт, не сбиваясь, лица серьёзные и сосредоточенные. Бум. Бум. Бум. Но что-то в этом звуке было не праздничное — что-то тяжёлое, похоронное.

Потом показались солдаты.

Они шли ровными рядами, по четыре в ряд, и их строй был почти идеальным. Почти — но не совсем. Кто-то прихрамывал. Кто-то держал руку у бока, будто рана ещё не зажила. Один шёл с перевязанной головой — белая тряпка, уже серая от пыли, с бурым пятном над ухом.

Доспехи были помяты. Нагрудники с вмятинами, наплечники погнуты, поножи исцарапаны. Сталь тусклая, без блеска — покрытая грязью, засохшей кровью, чем-то ещё. Кое-где доспехи были наспех заштопаны кожаными ремнями, связаны проволокой. Шлемы побиты, с выбоинами, плюмажи редкие, потрёпанные, больше похожие на мокрых крыс, чем на украшения.

Копья в правых руках — древки потемневшие, местами треснувшие. Щиты на левых — круглые, с тем же гербом льва, но потёртые, с глубокими зарубками по краям. На некоторых щитах дыры — сквозные, будто их проткнули чем-то острым и тяжёлым.

Лица не одинаковые. Совсем не одинаковые. Усталые. Грязные. С запавшими глазами и сжатыми челюстями. На щеках — засохшая кровь, на лбах — пот и пыль. Один солдат шёл с повязкой на глазу. Другой — без двух пальцев на левой руке, культя перебинтованы.

Но они шли. Ровно. Не сбиваясь. Сапоги стучали по камням в такт барабанам, и этот звук был громче всего остального. Шли, потому что должны были идти. Потому что это был их долг.

Кайлан никогда не видел столько солдат сразу. Они шли и шли, ряд за рядом, и казалось, им не будет конца. Двадцать. Тридцать. Пятьдесят. Больше. Все помятые, израненные, но всё ещё стоящие.

Он стоял и смотрел, забыв обо всём. Смотрел, потому что это было... страшно. Не так, как Рык с ножом. По-другому. Это был страх перед чем-то большим, чем он мог понять. Перед тем, что эти люди видели. Перед тем, что они делали.

Солдаты прошли мимо, и за ними показались всадники.

Их было немного — десять, может, двенадцать. Ехали парами, на конях, которые больше не выглядели великолепными. Гнедые, вороные, серые — все грязные, с взъерошенной шерстью, с белой пеной у удили. Шли медленно, тяжело, опустив головы. Один конь хромал на переднюю ногу. Другой дышал так громко, что слышно было даже через барабаны.

Сбруя потёртая, местами порванная, связанная верёвками. Никакого серебра. Только кожа, дерево, металл — всё потускневшее, изношенное.

Всадники были в доспехах — полных, покрывающих тело с головы до ног. Доспехи были в таком же состоянии, как у пехотинцев, может, даже хуже. Вмятины глубокие, царапины длинные, местами металл проржавел. На одном нагруднике зияла дыра — заплатанная изнутри кожей, но всё равно видная.

На плечах — красные плащи, когда-то длинные и чистые. Теперь рваные, грязные, с прожжёнными дырами. Развевались за спинами не как крылья, а как тряпье.

На шлемах — забрала опущены, лиц не видно. Только металл, помятый и тусклый. Но от этого они казались ещё более страшными — не люди, а машины. Машины для убийства, которые делали своё дело и не останавливались.

Они проехали мимо, и толпа молчала. Не кричала, не приветствовала.

Кайлан чувствовал, как что-то тяжёлое повисло в воздухе, давило на плечи, мешало дышать.

Барабанный бой стих.

Наступила тишина — такая полная, что Кайлан услышал, как где-то вдалеке кричит чайка. Потом — цоканье копыт. Медленное. Размеренное.

Из-за поворота показались трое.

Они ехали — нет, двое ехали, третий шёл — почти рядом, но не совсем. Тот, что посередине, был чуть впереди. Двое других — по бокам, немного отставая. Не так чтобы заметно, но достаточно, чтобы понять: средний — главный.

Средний ехал на белом коне.

Конь был большой, но не огромный. Белый — когда-то. Сейчас шерсть была серая от пыли, с тёмными пятнами на боках и шее. Грива спутанная, с узлами и соломой. Шёл медленно, но ровно, не хромая, не спотыкаясь. Гордый, несмотря на усталость. Непобедимый, несмотря на грязь.

Всадник был в тёмном плаще — почти чёрном, длинном, с глубоким капюшоном, который скрывал лицо полностью. Только подбородок виднелся — сильный, с чёткой линией, выбритый. Руки в перчатках лежали на седле спокойно, без напряжения. Спина прямая, плечи расправлены. Всё в нём говорило о силе, о власти, о том, что этот человек не знает, что такое страх.

Плащ был грязный — на подоле засохшая грязь, на плечах пыль. Но всё равно чёрный, всё равно внушительный. Перчатки из тонкой кожи, плотно облегающие пальцы, потёртые на костяшках.

Король.

Кайлан не знал, откуда он это понял. Никто не кричал, не объявлял. Но он знал. Все знали. Это было видно по тому, как толпа замерла, как люди перестали дышать.

Слева от короля ехал огромный человек на ещё более огромном коне — гнедом, широкогрудом, с мощными ногами. Конь был весь в грязи, с белой пеной у удила, дышал тяжело. Шёл ровно, но медленно, будто каждый шаг давался с трудом.

Всадник был в полных доспехах, и даже под сталью было видно, какой он большой. Плечи широкие, как дверной проём. Руки толстые, в латных перчатках, сжимали поводья так крепко, что кожа на суставах побелела. Доспехи были помяты — глубокие вмятины на нагруднике, царапины на наплечниках, вмятина на шлеме. Сталь тусклая, покрытая засохшей грязью и чем-то тёмным — кровью, наверное. На нагруднике — выгравированный герб, тот же коронованный лев, только больше, детальнее. Потёртый, но всё ещё видный.

Шлем без забрала — лицо открыто.

Лицо как высеченное из камня.

Квадратное, с тяжёлой челюстью и широким лбом. Нос прямой, немного сплюснутый, будто его ломали и он неправильно сросся. Глаза глубоко посажены, тёмные, смотрящие прямо перед собой. Рот — прямая линия, без намёка на улыбку или хмурость.

Шрамы на щеках, на лбу — старые, побледневшие, но всё ещё заметные. Один свежий — через бровь, ещё не зажил до конца, тёмная корка. Другой — от уха до подбородка, красный, недавний. Волосы коротко острижены, с проседью на висках, слипшиеся от пота.

На лице — ничего. Никаких эмоций. Ни гнева, ни радости, ни усталости. Камень — твёрдый, холодный, вечный.

Он не смотрел на толпу. Не смотрел на короля. Смотрел вперёд, на дорогу, и казалось, что для него ничего больше не существует. Только путь. Только цель.

На его плаще, поверх стали, был вышит тот же герб — коронованный лев. Плащ был рваный, с прожжёнными дырами, грязный. Под гербом, на нагруднике, другой символ — скрещённые мечи. Командир. Военачальник.

Кайлан почувствовал, как внутри что-то сжалось. Не от страха — от чего-то другого. Этот человек был... настоящим. Не как те солдаты, что шли ровными рядами. Настоящим. Живым. Смертельным.

Справа от короля шёл третий.

Не ехал — шёл. Пешком. Рядом с конями, не отставая, хотя те двигались медленно. Он был в простой одежде — тёмные штаны, свободная рубаша, жилет без рукавов. Никаких доспехов. Никакого оружия — по крайней мере, видимого.

Но он не выглядел слабым.

Он был среднего роста, худощавый, но не тощий — жилистый, как натянутая тетива. Двигался легко, почти бесшумно, будто не шёл, а плыл над землёй. Руки свободно висели вдоль тела, но в них была готовность — как у кота перед прыжком.

Одежда была грязная — штаны в пыли, рубаша с тёмными пятнами на рукавах, жилет рваный на плече. Босиком — не в сапогах, не в ботинках, просто босые ноги, ступающие по камням легко, будто они не чувствовали холода. Ступни грязные, с царапинами.

Лицо смуглое, с высокими скулами и узким подбородком. Глаза тёмные, миндалевидные, чуть раскосые. Волосы чёрные, собранные на затылке в короткий хвост, гладкие, блестящие — единственное чистое в его облике.

Восточный. Кайлан слышал о них — людях с Востока, где солнце встаёт из пустыни и садится в горы. Где воины учатся драться голыми руками так, что могут убить одним ударом.

Этот человек смотрел по сторонам — не так, как командир, который смотрел только вперёд, и не так, как король, который смотрел сквозь всё. Он смотрел внимательно, изучающе, будто запоминал каждое лицо в толпе, каждый дом, каждый камень. Взгляд скользнул по площади, по людям, и на мгновение остановился на Кайлане.

Их глаза встретились.

Кайлан замер. Не мог пошевелиться, не мог отвести взгляд. Тёмные глаза смотрели на него спокойно, без угрозы, без интереса. Видели его. По-настоящему видели, не как пустое место, не как грязного мальчишку. Видели человека.

Потом взгляд скользнул дальше, и связь оборвалась.

Кайлан выдохнул. Не заметил, что задерживал дыхание.

Трое двигались мимо — король на белом коне под капюшоном, командир в помятых доспехах на гнедом, восточный воин пешком. Медленно, размеренно. Они были так близко, что Кайлан мог разглядеть каждую складку на королевском плаще, каждую царапину на доспехах командира, каждую мышцу на руках воина.

Толпа молчала.

Кайлан стоял у края дороги, прижимая хлеб к груди, и не мог двинуться. Ноги не слушались. Дыхание застряло где-то в горле. Он стоял, смотрел на троих, которые проходили мимо — так близко, что можно было протянуть руку и коснуться.

Лицо командира — каменное, безэмоциональное, страшное в своей неподвижности.

Взгляд восточного воина — спокойный, внимательный, видящий.

И король — скрытый под капюшоном, но от этого ещё более пугающий.

Они проходили мимо — так близко, что можно было протянуть руку и коснуться.

Потом ноги подкосились.

Не сразу. Сначала в коленях что-то дрогнуло — слабо, почти незаметно. Потом сильнее. Мир качнулся, поплыл перед глазами. Кайлан попытался удержать равновесие, выставил ногу вперёд, но она не слушалась. Подвернулась. Он шагнул ещё раз — прямо на дорогу, туда, где шёл белый конь.

И упал.

Колени ударились о камни — больно, глухо. Руки выставил вперёд, чтобы не рухнуть лицом вниз. Ладони обожгло мостовой. Хлеб выпал из рук, покатился в сторону, остановился у самых копыт коня.

Белый конь остановился.

Резко — так резко, что всадник качнулся вперёд. Конь фыркнул, мотнул головой, отступил на полшага назад. Копыто прошло в дюйме от лица Кайлана — он видел подкову, грязную, исцарапанную, с налипшей землёй.

Тишина стала ещё тяжелее.

Кайлан поднял голову. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, сейчас вырвется из груди. Перед ним — конь. Огромный, белый, грязный. Выше, намного выше. Дышал громко, раздувая ноздри. Смотрел вниз тёмными глазами — не злыми, не добрыми.

А на коне — король.

Капюшон всё ещё скрывал лицо. Только подбородок виден — сильный, неподвижный. Руки в перчатках лежали на седле, не двигались. Вся фигура застыла — статуя, вырезанная из камня.

Кайлан хотел встать. Пытался. Ноги не слушались. Руки дрожали. Во рту пересохло так, что язык прилип к нёбу. Он стоял на коленях перед королём, на середине дороги, и не мог пошевелиться.

Справа — звук.

Металлический. Тихий, но отчётливый. Лязг стали о кожу. Шипение меча, выходящего из ножен.

Кайлан дёрнул головой в ту сторону.

Командир на гнедом коне склонился вперёд. Правая рука лежала на рукояти меча — длинного, широкого, в потёртых ножнах на боку. Не вытащил ещё — только коснулся, только приготовился. Но намерение было ясным.

Лицо каменное, как и прежде. Глаза смотрели на Кайлана тяжело, оценивающе. Не злобно — просто оценивали угрозу. Мальчишка на дороге перед королём. Мальчишка, который мог быть кем угодно. Убийцей. Безумцем. Опасностью.

Меч начал выходить из ножен — медленно, плавно, без спешки. Сталь скользнула по краю ножен с тихим звоном. Показалось лезвие — широкое, с зазубринами по краю, тусклое.

Кайлан не мог оторвать взгляд от меча. Сердце колотилось ещё сильнее. Дыхание сбилось. Он хотел отползти, убраться с дороги, но тело не слушалось. Замерло, парализованное страхом.

Потом между ними кто-то встал.

Не прошёл — встал. Просто оказался там, где секунду назад никого не было. Босые ноги на камнях, тёмные штаны, свободная рубаха. Восточный воин.

Он стоял спиной к Кайлану, лицом к командиру. Руки свободно висели вдоль тела, но в них была готовность — напряжённая, как натянутая струна. Поза расслабленная, но только на первый взгляд. На самом деле — каждая мышца готова к движению, к удару, к защите.

Командир не остановился. Меч продолжал выходить из ножен — ещё дюйм, ещё два. Половина лезвия уже снаружи.

Но второй не двинулся. Стоял и смотрел на командира спокойно, без вызова, без угрозы. Но смотрел так, что было ясно: дальше не пройдёшь.

Меч замер.

Командир смотрел на него тяжёлым взглядом. Рука на рукояти сжалась сильнее — костяшки побелели под перчаткой. На лице — ничего. Никакого гнева, никакого раздражения. Оценка, холодная, расчётливая.

Воин не отводил взгляда. Тёмные глаза спокойные, почти равнодушные. Но в них была сила — тихая, глубокая, как вода в колодце. Та самая сила, которую Кайлан видел раньше, когда их взгляды встретились.

Секунда тишины.

Потом командир заговорил. Голос низкий, грубый, как скрежет камня о камень.

— Убери себя, восточный.

Не приказ. Не просьба. Констатация факта: убери себя, или будут проблемы.

Ответа не прозвучало. Воин стоял и смотрел. Потом медленно, очень медленно, покачал головой. Один раз. Влево-вправо.

Нет.

Командир сжал челюсти. Мышцы на скулах напряглись, выступили под кожей. Меч дрогнул в руке — совсем немного, почти незаметно. Но Кайлан заметил.

— Он ребёнок, — голос мягкий, почти ласковый, но твёрдый. — Не угроза.

— Не твоё дело решать, — ответил командир. Меч вышел из ножен ещё на дюйм. — Он упал перед королём. Мог быть кем угодно. Мог нести что угодно.

— Он несёт хлеб, — воин кивнул на буханку, валяющуюся у копыт белого коня. — Видишь? Хлеб. Не нож. Не яд. Хлеб.

— Хлеб может скрывать клинок.

— Может, — согласился он — Но не скрывает. Я вижу.

— Ты видишь? — в голосе командира прозвучало что-то похожее на насмешку. Сухую, злую. — Ты видишь сквозь камень, восточный? Сквозь корку? Или просто болтаешь?

Ответа на насмешку не прозвучало.

Командир вытащил меч полностью.

Лезвие вышло из ножен с долгим, протяжным звоном. Широкое, длинное, с зазубринами и тёмными пятнами. Не блестело — слишком грязное, слишком потёртое. Но острое. Кайлан видел, как свет скользит по краю, тонкой серебристой линией.

Поднял меч — не высоко, не для удара. Держал перед собой, остриём вперёд. Предупреждение. Последнее.

— Отойди, — повторил он. — Или придётся двигать тебя.

Но он не отошёл.

Вместо этого сделал шаг вперёд. Один маленький шаг — босая нога бесшумно коснулась камня. Но этого хватило. Теперь он стоял почти вплотную к гнедому коню, почти касался его морды. Руки всё ещё висели вдоль тела, но правая поднялась — чуть-чуть, совсем немного. Ладонь раскрыта, пальцы расслаблены.

— Попробуй, — сказал он тихо.

Не вызов. Не угроза. Просто предложение. Спокойное, почти дружелюбное.

Командир смотрел на него долго. Меч не дрогнул в руке — держал твёрдо, уверенно. Лицо всё так же каменное, без эмоций. Но в глазах что-то мелькнуло — быстро, как искра. Раздражение? Уважение? Что-то ещё?

Потом он опустил меч. Не вложил в ножны — опустил остриё вниз, к земле.

— Ты играешь с огнём, восточный, — сказал он ровно. — Однажды обожжёшься.

— Возможно. Но не сегодня.

Командир хмыкнул — коротко, без юмора. Повернул голову к королю, будто спрашивая: что дальше? Твоё слово.

Король молчал.

Сидел на белом коне, неподвижный, скрытый под капюшоном. Руки на седле не шевелились. Дыхание не слышно. Казалось, он вообще не дышит — сидит, как статуя, вырезанная из тьмы.

Кайлан смотрел на него снизу вверх, с колен. Холод пополз по спине. Этот человек был... пустым. Не злым, не добрым — пустым. Как чёрная дыра, которая всасывает свет и не отдаёт ничего взамен.

Секунда тянулась.

Две.

Три.

Потом король поднял руку.

Медленно. Плавно. Рука в перчатке поднялась из тени плаща, повисла в воздухе. Ладонь раскрыта, пальцы растопырены. Жест простой, понятный.

Остановитесь.

Командир сразу отреагировал. Меч вернулся в ножны — быстро, почти небрежно. Лязгнул, сел на место. Рука легла на рукоять, но больше не сжимала. Лицо снова стало непроницаемым, как стена.

Второй не двинулся. Стоял и смотрел на короля. Потом медленно кивнул — один раз, едва заметно. Понял.

Рука короля опустилась. Исчезла под плащом. Фигура снова застыла — неподвижная, безмолвная.

Тишина.

Кайлан всё ещё стоял на коленях. Руки дрожали. Ноги не держали. Голова кружилась — сильно, так сильно, что перед глазами поплыли тёмные пятна. Воздуха не хватало. Дышал часто, поверхностно, но лёгкие не наполнялись. Жарко. Слишком жарко. Солнце било в затылок, в спину, жгло сквозь рваную рубаху.

Он попытался встать. Оттолкнулся руками от земли, подтянул одну ногу под себя. Почти получилось. Почти поднялся.

Потом мир накренился.

Резко, без предупреждения. Земля ушла из-под ног — нет, не ушла, просто перестала быть твёрдой. Стала мягкой, текучей, как вода. Небо закружилось, завертелось вокруг, быстрее и быстрее.

Звуки стали далёкими. Голоса, копыта, дыхание коней — всё слилось в один гул, тихий и невнятный. Перед глазами потемнело. Не сразу — сначала по краям, потом ближе к центру. Тёмные пятна росли, расползались, съедали свет.

Кайлан видел белого коня. Видел тень под капюшоном. Видел воина, который обернулся, протянул руку.

Потом не видел ничего.

Упал.

Не почувствовал удара. Провалился в темноту — глубокую, густую, бесконечную. Там не было страха. Не было боли. Не было ничего.

Только тишина.

И пустота.

Глава 2

«Восточный»

Темнота отступала медленно, словно густой туман, который цеплялся за края сознания и не хотел уходить. Сначала вернулись ощущения — тяжесть в теле, будто кто-то насыпал песка под кожу. Потом звуки — приглушённые, далёкие, похожие на шум воды за толстой стеной. И только потом запахи.

Чистые.

Незнакомые.

Кайлан открыл глаза.

Потолок над ним был белым. Не грязно-серым, каким он привык видеть в заброшенных домах. Не закопчённым, как в подвалах, где они с остатками Серых Крыс переживали холодные ночи. Белым. Ровным. С деревянными балками светлого дерева, на которых не было ни трещин, ни паутины, ни следов сырости.

Он моргнул. Потолок не исчез.

Сердце ухнуло вниз и забилося так быстро, что в ушах зашумело. Кайлан дёрнулся — попытался вскочить, но тело не слушалось. Руки и ноги были чужими, ватными, словно их отрезали и пришили обратно, пока он спал. Он только приподнял голову — и всё вокруг поплыло, закружилось, стены накренились.

Упал обратно.

На подушку.

Подушка.

Под его головой лежала настоящая подушка. Мягкая. Пахнущая чем-то свежим — травами, может быть. Не плесенью. Не гнилью. Не собственным потом, вьевшимся в тряпки, которые он использовал вместо постели.

Паника вернулась острой волной, поднялась от живота к горлу, сдавила дыхание. Кайлан лежал, пытаясь заставить лёгкие работать. *Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.* Воздух был слишком чистым, слишком лёгким, и от этого становилось только хуже.

Где я?

Он заставил себя повернуть голову — медленно, осторожно, готовясь к тому, что комната снова закружится. Стены были теми же белыми, что и потолок. Не побелка — она всегда ложилась неровно, пятнами. Это было что-то другое. Чистое. Ровное.

У одной стены стоял низкий столик — простой, из тёмного дерева, без украшений. На нём — глиняная чаша и кувшин. Оба чистые, без сколов и трещин. Рядом — деревянный стул. Обычный, с прямой спинкой и сиденьем, затёртым от времени, но крепким.

Слева — окно. Небольшое, квадратное. Занавеска задёрнута, но сквозь щель пробивался свет. Мягкий, тёплый, оранжевый. Не утренний — тот всегда был холодным, резким. Вечерний.

Сколько я здесь?

Он попытался вспомнить. Процессия. Толпа вдоль улицы — молчаливая, застывшая. Солдаты в грязных доспехах, идущие так, словно каждый шаг давался с трудом. Всадники на измождённых конях. Белый конь, серый от грязи. Чёрный плащ с капюшоном. Огромный человек со шрамами и мечом.

Человек, вставший между ним и мечом.

А потом — темнота.

Но не только. Были ещё обрывки — смутные, расплывчатые, как сон, который помнишь только наполовину. Чьи-то руки, поднимающие его с мостовой. Сильные. Осторожные. Тряска. Скрип дерева. Голоса — приглушённые, неразборчивые, словно доносящиеся из-под воды. И снова темнота.

Меня кто-то принёс сюда.

Кайлан сглотнул. Горло было сухим, першило. Он попытался сесть — на этот раз медленнее. Оперся на локти, подождал, пока головокружение отступит. Мир качнулся, но не перевернулся. Он сел.

Одеяло сползло с него — тяжёлое, тёплое, пахнущее так же чисто, как подушка. Не его. Он никогда не спал под таким одеялом. У него вообще не было одеяла — только старый плащ, который он нашёл в куче мусора за трактиром.

Посмотрел вниз.

На нём была рубашка. Чистая. Простая, льняная, серого цвета. Не его. Он никогда не носил ничего подобного. Его рубашка была тряпкой — заплатанной, рваной, пропитанной грязью и потом настолько, что её цвет давно перестал иметь значение.

И штаны. Тоже чистые. Тёмные. Без дыр.

Кто-то раздел меня.

Паника вернулась с новой силой — холодная, острая, впившаяся в грудь когтями. Кто-то видел его тело. Худое, покрытое синяками и шрамами. Кто-то прикасался к нему, пока он спал. Снимал грязную одежду. Надевал чистую.

Зачем?

Кайлан сполз с кровати — ноги подкосились, и он упал на колени. Пол был холодным. Деревянным, не каменным. Гладким, без щепок и грязи. Он оперся ладонями о доски, пытаясь отдышаться, но дыхание сбивалось, воздух не доходил до лёгких.

Что они со мной сделали?

Он заставил себя поднять голову. Огляделся снова — быстрее, лихорадочнее. Искал что-то знакомое, что-то, за что можно было бы зацепиться. Но всё было чужим.

На стене напротив — свиток. Длинный, узкий, с чёрными знаками на бежевой бумаге. Не буквы — что-то другое. Изогнутые линии, похожие на следы птиц на песке или на ветви дерева, переплетённые в сложный узор. Кайлан не умел читать, но знал, как выглядят буквы. Это было не то.

Рядом со свитком — оружие. Висело на двух гвоздях, словно украшение. Меч. Но странный. Изогнутый. Не как те, что носили стражники или солдаты — те были прямыми, тяжёлыми. Этот был другим. Длинным и тонким, с плавным изгибом клинка, который ловил оранжевый свет из окна и отражал его мягким блеском.

Кто вешает оружие на стену?

Кайлан встал. Ноги дрожали, но держали. Он сделал шаг к столу — осторожно, как будто пол под ним мог провалиться в любой момент. Кувшин был полон — вода доходила почти до края. Чистая. Прозрачная.

Когда он последний раз видел такую воду?

Он взял чашу — руки тряслись так сильно, что чуть не уронил. Зачерпнул воды. Понюхал.

Пахло ничем. Просто водой.

Сделал маленький глоток. Подождал. Прислушался к себе — не горчит ли, не странный ли вкус. Ничего. Просто вода. Холодная. Свежая.

Выпил всю чашу залпом. Потом ещё одну. И ещё. Вода текла по подбородку, капала на чистую рубашку, но ему было всё равно. Он не мог остановиться.

Когда кувшин опустел наполовину, Кайлан опустил чашу и вытер рот тыльной стороной ладони. Дыхание выровнялось. Голова прояснилась — немного. Достаточно, чтобы думать.

Надо уходить.

Он огляделся снова. На этот раз медленнее, внимательнее. Комната была маленькой — не больше, чем та кладовка за пекарней, где он иногда спал, когда пекарь был пьян и не замечал. Но здесь не было мешков с мукой, ящиков с овощами, крыс в углах. Только кровать, столик со стулом, свиток на стене и странный меч.

И дверь.

Одна. Деревянная. Простая, без украшений. Без замка снаружи — по крайней мере, он его не видел.

Кайлан подошёл к двери. Остановился в шаге от неё. Прислушался.

Тишина.

Никаких шагов. Никаких голосов. Только тишина — густая, давящая, словно весь дом вымер.

Он протянул руку. Пальцы коснулись дерева — тёплого, гладкого. Толкнул.

Дверь открылась.

Кайлан замер, не веря. Не заперта. Просто открылась.

За дверью была ещё одна комната — больше, чем та, в которой он проснулся. Тот же белый цвет стен. Тот же деревянный пол. Но здесь было больше вещей.

Стол посередине — такой же тёмный, как тот, что стоял у кровати. Вокруг него — стулья. Четыре, простые, с прямыми спинками. У дальней стены — ещё один свиток, больше первого. На нём — рисунок. Дерево с изогнутыми ветвями и птица, сидящая на одной из них. Чёрные линии на бежевой бумаге, такие же плавные и непонятные, как те, что он видел в спальне.

Слева — очаг. Небольшой, выложенный камнем. В нём тлели угли — красные, почти погасшие. Над очагом висел котелок на цепи.

Запах.

Кайлан втянул воздух носом. Еда. Что-то варёное. Овощи, может быть. И что-то ещё — незнакомое, но не неприятное.

Живот свело от голода — острого, внезапного, такого сильного, что на мгновение в глазах потемнело. Он не помнил, когда ел последний раз. До процессии? Позавчера?

Кайлан сделал шаг к очагу. Потом ещё один. Заглянул в котелок.

Похлёбка. Густая, тёмная. Кусочки овощей — морковь, лук. И что-то ещё — мясо, может быть. Маленькие кусочки.

Рядом с очагом, на краю стола — миска. Чистая. И ложка.

Для меня?

Кайлан уставился на миску. Потом на котелок. Потом снова на миску.

Почему?

Кто кормит беспризорника? Кто раздевает его, надевает чистую одежду, кладёт в мягкую постель и оставляет еду?

Что они хотят?

Он отступил от очага. Живот всё ещё скручивало от голода, но есть он не стал. Не мог. Слишком странно. Слишком неправильно.

На улице ничего не давали просто так. Всегда была цена. Всегда. Иногда её называли сразу. Иногда — потом, когда уже поздно было отказаться. Но она была. Всегда.

Кайлан огляделся снова. Искал ещё одну дверь — ту, что ведёт наружу. Нашёл. Напротив той, через которую он вошёл. Такая же деревянная, простая.

Подошёл к ней. Прислушался. Тишина.

Толкнул.

Дверь открылась.

Вечерний свет ударил в глаза — мягкий, оранжевый, но после белых стен комнаты казался слишком ярким. Кайлан зажмурился, подождал, пока глаза привыкнут. Потом выглянул.

Улица.

Узкая, вымощенная камнем. Дома по обе стороны — низкие, одноэтажные, с покатыми крышами. Не такие, как в центре столицы. Проще. Беднее. Но чистые. Стены побелены, окна целые, крыши не провалены.

Никого.

Улица была пуста. Ни людей, ни повозок, ни собак. Только тишина и оранжевый свет заходящего солнца, который окрашивал камни в тёплые тона.

Кайлан сделал шаг наружу. Камни под босыми ногами были тёплыми — прогретыми за день. Он огляделся. Слева улица уходила вниз, к чему-то большому — может, площади. Справа — поворачивала за угол.

Куда я иду?

Неважно. Главное — прочь отсюда. Прочь от чистых комнат и странного меча на стене. Прочь от еды, которую ему оставили неизвестно зачем.

Он пошёл.

Быстро, насколько позволяли ноги. Они всё ещё были слабыми, непослушными, словно не его собственные. Камни под ступнями были неровными — острые края впивались в кожу, царапали пятки. Боль была резкой, колющей, но он не остановился. Не мог остановиться.

Один квартал. Дома мелькали по сторонам — все одинаковые, низкие, с белыми стенами. Окна тёмные. Двери закрыты. Никого.

Второй квартал. Камень под ногами стал холоднее — солнце уже не достигало этой части улицы. Кайлан споткнулся о выступающий булыжник. Руки выбросил вперёд, чтобы не упасть. Поймал равновесие. Пошёл дальше.

Дыхание сбивалось. Лёгкие горели — каждый вдох был острым, царапающим, словно воздух превратился в битое стекло. Ноги подкашивались с каждым шагом. В боку кололо — остро, больно, словно кто-то втыкал иглу под рёбра снова и снова.

Мир начал плыть перед глазами. Дома расплывались, сливались в одно белое пятно. Камни под ногами качались, словно палуба корабля в шторм.

Кайлан остановился.

Резко. Так резко, что чуть не упал. Оперся рукой о стену ближайшего дома — холодную, шершавую. Тяжело дышал, прижав другую руку к боку, где кололо. Ноги дрожали. Всё тело дрожало.

Он медленно обернулся.

Дом стоял далеко позади — за тремя кварталами, двумя поворотами и площадью, которую Кайлан пересёк не оглядываясь. Он прислонился к стене, тяжело дыша, и попытался сглотнуть. Горло было сухим, першило. Во рту — привкус крови, металлический и солёный.

Ноги дрожали. Не просто дрожали — подкашивались, словно кто-то выдернул из них все кости и оставил только кожу и мышцы, которые не помнили, как держать вес. Кайлан оперся ладонями о камень за спиной — холодный, шершавый, с выбоинами от времени. Закрыв глаза. Подождал, пока сердце перестанет колотиться так, словно пыталось вырваться из груди.

Я убежал.

Мысль была странной. Лёгкой. Словно что-то тяжёлое, что давило на грудь всё это время, вдруг исчезло.

Он открыл глаза. Огляделся.

Улица была пустой. Узкой. Вымощенной серым камнем, который темнел на глазах — солнце садилось быстро, и оранжевый свет, который ещё недавно окрашивал всё вокруг в тёплые тона, таял, превращался в серые сумерки. Дома по обе стороны стояли молчаливо — низкие, с побелёнными стенами, с тёмными окнами и закрытыми дверями. Ни звука. Ни голосов, ни шагов, ни скрипа половиц.

Тишина была такой густой, что Кайлан слышал собственное дыхание — хриплое, неровное. Слышал, как кровь стучит в ушах. Слышал, как босые ноги шуршат по камню, когда он оттолкнулся от стены и сделал первый шаг.

Камни под ступнями были холодными — солнце уже не грело их. Острые края булыжников царапали пятки, впивались в кожу. Он чувствовал, как что-то тёплое потекло по ступне — кровь, наверное. Но не остановился.

Прочь. Прочь отсюда.

Улица поворачивала направо. Кайлан свернул за угол — и замер на мгновение.

Площадь.

Небольшая, круглая, вымощенная тем же серым камнем. Посередине — колодец. Старый, каменный, с деревянным навесом над ним, почерневшим от времени. Вокруг площади — дома, такие же низкие и белые, с тёмными окнами.

Пусто.

Ни людей, ни повозок, ни собак. Только колодец посередине и серые сумерки, которые сгущались с каждой минутой.

Кайлан обошёл площадь по краю, прижимаясь к стенам. Слушал. Тишина была такой густой, что казалось, она давит на уши, забирается внутрь головы, заполняет её. Он слышал, как босые ноги шуршат по камню. Слышал, как дрожь пробегает по спине — мелкая, неконтролируемая.

Холод.

Он накатил внезапно — не сразу, не резко, а постепенно, медленно, словно кто-то начал понемногу отнимать тепло из воздуха. Сначала Кайлан не обратил внимания. Потом почувствовал, как по рукам побежали мурашки. Потом — как дрожь прошла по спине, скользнула вниз по позвоночнику.

Он остановился. Посмотрел на свои руки. Кожа покрылась мурашками — маленькими бугорками, которые делали её похожей на кожу ошипанной курицы. Пальцы побелели на кончиках.

Рубашка.

Чистая, льняная, серая. Тонкая. Слишком тонкая для вечера, который быстро превращался в ночь.

Холодно.

Кайлан обхватил себя руками. Потёр плечи ладонями, пытаясь согреться. Не помогло. Холод проникал сквозь тонкую ткань, впивался в кожу, забирался под неё.

Он вышел на противоположную сторону площади. Улица продолжалась дальше — уже, чем раньше. Дома здесь стояли ближе друг к другу, почти вплотную. Крыши нависали над головой, превращая улицу в узкий коридор. Свет сюда почти не доходил — только серые сумерки, которые сгущались с каждой минутой.

Кайлан пошёл дальше.

Дома мелькали по сторонам — все одинаковые, низкие, с облупившейся побелкой. Окна тёмные. Двери закрыты. Ни одного звука изнутри. Ни голосов, ни шагов, ни скрипа половиц.

Сумерки сгустились настолько, что Кайлан едва различал дорогу под ногами. Камни стали неровнее — он спотыкался о выступающие булыжники, ловил равновесие, шёл дальше.

Живот.

Кайлан остановился. Прижал руку к животу — там, где под рёбрами. Пусто. Так пусто, что казалось, внутри вообще ничего нет. Только дыра, которая тянет, сжимает, выворачивает изнутри.

Голод.

Он не ел... сколько? День? Два? Больше? Он не помнил. Помнил только похлёбку в котелке над очагом. Густую, тёмную, с кусочками овощей и мяса. Миску рядом. Чистую. И ложку.

Почему я не поел?

Вопрос прозвучал в голове тихо, почти беззвучно. Но он был там. И Кайлан не знал ответа.

Он сделал ещё шаг. Потом ещё один. Ноги были тяжёлыми — каждый шаг давался с трудом, словно кто-то привязал к лодыжкам камни. Дыхание сбивалось. В боку снова кололо — тупо, ноюще.

Дома здесь были другими. Не белыми — серыми. Побелка облупилась давно, обнажив старый камень под ней. Окна были не просто тёмными — разбитыми. Двери провалены или сорваны с петель. Крыши просели, балки торчали наружу, как сломанные кости.

Округа.

Кайлан знал это место. Не это конкретное — но такие же. Зброшенные кварталы на окраинах столицы, куда не заходили стражники и где прятались те, кому некуда больше идти. Беженцы. Воры. Беспризорники.

Люди вроде него.

Но здесь не было никого.

Он остановился посреди улицы. Огляделся. Слева — разрушенный дом с провалившейся крышей. Справа — ещё один, с выбитыми окнами. Впереди — улица, уходящая во тьму.

Куда я иду?

Вопрос повис в голове. Тяжёлый. Острый.

Кайлан не знал ответа.

Он просто шёл. Прочь от чужого дома, от чистых стен, от странного меча на стене. Прочь от еды, которую ему оставили неизвестно зачем.

Но куда?

Холод усилился. Ветер поднялся — слабый, но ледяной. Он скользнул по коже, забрался под рубашку, впился в грудь. Кайлан задрожал. Сильно. Всем телом.

Живот свело снова — острее, больнее, чем раньше. Он согнулся пополам, прижал обе руки к животу. Дышал часто, поверхностно, пытаясь справиться с болью.

Ноги подкосились.

Он упал на колени. Резко. Камень ударил в коленные чашечки — больно, остро, так что в глазах потемнело. Кайлан оперся ладонями о мостовую. Холодную, неровную. Дышал. Просто дышал.

Я не могу.

Мысль пришла тихо. Почти шёпотом.

Я не могу идти дальше.

Он медленно поднялся на ноги. Пошатнулся. Поймал равновесие. Стоял, глядя в темноту впереди.

И ноги понесли его обратно.

Сами.

Без решения. Без паузы. Просто развернули тело и понесли — медленно, неуверенно, но упрямо.

Зачем я возвращаюсь?

Вопрос ударил в голову так же резко, как камень в колени минуту назад.

Зачем?

Кайлан не знал.

Не хотел возвращаться. Не решал этого. Просто ноги понесли его обратно. Сами. Без спроса.

Холод. Голод. Темнота.

Тело решило за него.

Он шёл через разрушенный квартал, мимо серых домов с провалившимися крышами. Мимо разбитых окон и сорванных дверей. Сумерки сгущались, превращались в ночь. Небо над головой потемнело — из тёмно-синего превратилось в чёрное. Первые звёзды проступили на нём — маленькие, холодные точки.

Узкая улица. Площадь с колодцем посередине. Ещё одна улица.

Дома становились белее. Целее. Чище. Окна — не разбитыми. Двери — не провалившимися.

Кайлан шёл.

Не думал. Не решал. Просто шёл.

И вдруг увидел свет.

Слабый, тёплый, оранжевый. Пробивался сквозь щель в занавеске. Из окна. Того самого дома.

Кайлан остановился. Посмотрел на свет. Потом на дом. Белые стены. Тёмная дверь. Низкая крыша.

Чужой дом.

Но там был свет. И тепло. И еда.

Он пошёл дальше.

Дошёл до дома. Остановился перед дверью. Посмотрел вверх.

И замер.

На крыше сидел человек.

Тот самый. Восточный воин. Тот, кто встал между ним и огромным командиром на площади.

Он сидел на самом краю, свесив босые ноги вниз. Тёмные штаны, свободная рубашка, жилет без рукавов. Чёрные волосы, собранные в хвост. В одной руке — яблоко. Красное, блестящее в последних лучах заката.

Он поднёс яблоко ко рту. Откусил кусок. Жевал медленно, не спеша. И смотрел вниз.

На Кайлана.

Спокойно. Без злости. Без осуждения.

И улыбался.

Не широко. Не насмешливо. Просто улыбался — лёгкой, почти незаметной улыбкой, которая трогала только уголки губ.

Кайлан смотрел вверх. Не мог отвести взгляд.

Восточный воин откусил ещё кусок яблока. Жевал. Потом поднял свободную руку. Указал вниз. На дверь.

Жест был простым. Коротким. Понятным.

Иди внутрь.

Кайлан смотрел на него ещё мгновение. Потом опустил взгляд. Посмотрел на дверь.

Протянул руку. Коснулся дерева — тёплого, гладкого.

Толкнул.

Дверь открылась.

Кайлан шагнул внутрь.

Тепло ударило в лицо — густое, плотное, словно кто-то накинул на него одеяло. Кайлан замер на пороге, прищурился. Свет от очага был слишком ярким после темноты улицы — оранжевые блики плясали на стенах, прыгали по полу, заставляя глаза слезиться.

Он сделал шаг внутрь. Дверь за спиной закрылась сама — тихо, мягко, без скрипа. Звук был таким окончательным, что Кайлан вздрогнул.

Восточный воин стоял у очага.

Спиной к двери. Не обернулся. Просто стоял, помешивая что-то в котелке длинной деревянной ложкой. Медленно. Размеренно. Движения были плавными, почти ленивыми — словно у него было всё время мира.

Кайлан остался у двери. Прижался спиной к дереву — тёплому, гладкому. Руки сжались в кулаки. Ногти впились в ладони — больно, остро, но он не разжал пальцы.

Тот человек помешал похлёбку ещё раз. Потом поднял ложку, поднёс к губам. Подул. Попробовал. Кивнул сам себе — коротко, удовлетворённо.

— Хорошо, — сказал он негромко.

Голос был спокойным. Ровным. Словно Кайлан не убегал. Словно не возвращался через час, продрогший и голодный. Словно ничего не произошло.

Восточный воин повесил ложку на край котелка. Взял со стола миску — ту самую, чистую, которую Кайлан видел раньше. Зачерпнул похлёбки. Густой, тёмной, с паром, который поднимался вверх тонкими струйками.

Поставил миску на стол. Рядом положил ложку.

Обернулся.

Посмотрел на Кайлана.

Не говорил. Просто смотрел — спокойно, без осуждения, без вопросов. Тёмные глаза отражали свет очага, делая их похожими на полированный камень.

Кайлан смотрел в ответ. Не моргал. Не отводил взгляда.

Скажи что-нибудь.

Но тот человек молчал.

Он прошёл мимо стола, мимо Кайлана — так близко, что мальчик почувствовал запах. Не пота. Не грязи. Чего-то другого — свежего, чистого, с лёгким оттенком чего-то незнакомого. Трав, может быть.

Восточный воин открыл дверь. Вышел наружу.

Кайлан слышал, как его босые ноги зашуршали по камню. Услышал, как он остановился в нескольких шагах от дома.

И всё.

Тишина.

Кайлан стоял у двери ещё долгое мгновение. Потом медленно оттолкнулся от неё. Подошёл к столу. Посмотрел на миску.

Похлёбка была густой. Кусочки моркови, лука, что-то зелёное — капуста, наверное. И мясо. Маленькие кусочки, тёмные, в жирном бульоне.

Живот свело так сильно, что Кайлан согнулся пополам. Прижал руку к животу, зажмурился, подождал, пока боль отпустит.

Взял ложку.

Зачерпнул похлёбки. Поднёс ко рту. Подул — пар обжигал губы. Попробовал.

Горячо.

Так горячо, что язык обожгло. Кайлан шипяще втянул воздух, но не выплюнул. Проглотил. Почувствовал, как жар спустился вниз по горлу, упал в желудок, разлился там тёплой волной.

Зачерпнул ещё.

И ещё.

Ел быстро, жадно, обжигаясь с каждой ложкой. Похлёбка обжигала рот, горло, но он не мог остановиться. Не мог замедлиться. Тело требовало еды — сейчас, немедленно, всё сразу.

Миска опустела быстро. Слишком быстро.

Кайлан опустил ложку. Посмотрел на пустую миску. Потом на котелок над очагом.

Встал. Подошёл к очагу. Зачерпнул ещё.

Вторая миска исчезла так же быстро, как первая.

Он опустил ложку. Вытер рот тыльной стороной ладони. Тяжело дышал — не от усталости, а от того, что ел слишком быстро. В животе было тепло. Тяжело. Хорошо.

Кайлан обернулся.

Восточный воин стоял в дверях.

Кайлан не слышал, как он вошёл. Не слышал шагов, скрипа половиц, дыхания. Тот человек просто стоял там, прислонившись плечом к дверному косяку, скрестив руки на груди.

Смотрел.

Не говорил. Просто смотрел — всё так же спокойно, без осуждения.

Кайлан отвёл взгляд первым.

Восточный воин оттолкнулся от косяка. Прошёл в комнату — бесшумно, словно ступал не по деревянному полу, а по воде. Взял со стола пустую миску. Отнёс к другому столику у стены — там стояло ведро с водой. Опустил миску туда.

Обернулся.

— Спать, — сказал он.

Не приказ. Не просьба. Просто констатация факта.

Кайлан не пошевелился.

Тот человек кивнул в сторону двери в спальню.

— Спать, — повторил он. Так же спокойно. Так же ровно.

Кайлан хотел сказать что-то. Хотел крикнуть. Хотел спросить — *зачем? почему? что ты хочешь?*

Но горло сжалось. Слова застряли где-то внутри, не дошли до губ.

Он развернулся. Пошёл к двери в спальню. Толкнул её — слишком резко, она ударилась о стену. Вошёл внутрь.

Кровать была такой же, как раньше. Чистая. Мягкая. С белой подушкой и тяжёлым одеялом.

Кайлан забрался на неё не раздеваясь. Лёг на бок, отвернувшись к стене. Натянул одеяло на плечи.

Закрыв глаза.

Но не заснул.

Слышал, как восточный воин двигается в соседней комнате — тихо, почти бесшумно. Слышал, как угли в очаге потрескивают, оседают. Слышал собственное дыхание — ровное, медленное.

И злость.

Она поднималась изнутри, медленно, неостановимо — как жар от углей, которые долго не тушили.

Почему он молчит?

Почему не спрашивает?

Почему не злится?

Кайлан сжал одеяло в кулаке. Ткань была мягкой, приятной на ощупь. Чужой.

Всё здесь было чужим.

Он открыл глаза. Посмотрел на белую стену перед собой.

И ждал.

— —

Ночь пришла тихо.

Кайлан слушал, как дом засыпает. Как тот человек потушил очаг — шорох углей, шипение воды. Слышал, как он прошёл по комнате. Как открылась и закрылась дверь.

Потом — тишина.

Кайлан подождал. Долго. Считал удары сердца — медленные, ровные. Дошёл до сотни. Потом до двухсот.

Сбился.

Начал заново.

Когда дошёл до трёхсот, сел.

Медленно. Осторожно. Одеяло сползло с плеч, упало на кровать. Холод сразу впился в кожу — ночной воздух был ледяным.

Кайлан спустил ноги с кровати. Босые ступни коснулись пола — холодного, гладкого. Он встал. Постоял, прислушиваясь.

Тишина.

Окно было напротив кровати. Маленькое, квадратное. Занавеска задёрнута.

Кайлан подошёл к нему. Осторожно отодвинул занавеску в сторону. Посмотрел наружу.

Ночь была чёрной. Луны не было — только звёзды, холодные и далёкие. Улица внизу тонула во тьме.

Он потянул раму на себя.

Окно открылось — легко, без скрипа.

Холод ворвался внутрь — резкий, обжигающий. Кайлан втянул воздух носом, зажмурился. Выдохнул.

Просунул голову в окно. Огляделся.

Слева — стена дома, уходящая в темноту. Справа — то же самое. Внизу — улица, вымощенная серым камнем.

Не так высоко. Два роста взрослого человека, может быть. Он прыгал с такой высоты раньше — с крыши, с заборов. Ничего сложного.

Кайлан оперся руками о подоконник. Холодный, деревянный, с занозами. Подтянулся. Просунул одну ногу наружу.

— Я бы не советовал.

Голос прозвучал справа.

Тихий. Спокойный.

Кайлан замер. Голова дёрнулась в сторону голоса.

Восточный воин сидел на подоконнике.

Снаружи.

Просто сидел — спиной к стене, одна нога подтянута к груди, другая свисала вниз. Руки лежали на колене. Голова слегка наклонена набок.

Смотрел на Кайлана.

Спокойно.

Словно сидел там всё это время.

Словно ждал.

Кайлан не двигался. Не дышал. Смотрел на него, не веря.

Тот человек поднял одну бровь.

— Холодно, — сказал он негромко. — И далеко падать.

Кайлан молчал. Горло сжалось. Слова застряли где-то внутри.

Восточный воин кивнул на улицу вниз.

— Камень твёрдый. Кости мягкие. Плохое сочетание.

Помолчал.

— Первый раз ты ушёл днём, — продолжил он так же спокойно. — Вернулся сам. Это хорошо. Второй раз — ночью. Тоже вернёшься. Наверное.

Ещё пауза.

— Третий раз...

Он не закончил. Просто посмотрел на Кайлана — долго, внимательно.

— Третий раз будет последним, — сказал тот человек тихо. — Я не буду искать. Понял?

Кайлан смотрел на него. Не моргал. Не отводил взгляда.

Ты не можешь меня удержать.

Мысль прозвучала в голове громко, чётко.

Но он не сказал её вслух.

Восточный воин кивнул — коротко, словно услышал.

— Можешь идти, — сказал он. — Дверь не заперта. Окно открыто. Выбирай.

Помолчал.

— Но если уйдёшь — не возвращайся.

Голос был всё таким же спокойным. Ровным. Без злости, без угрозы.

Просто факт.

Кайлан стоял неподвижно. Одна нога внутри комнаты. Другая — на подоконнике. Руки сжимали дерево так сильно, что пальцы побелели.

Холод впивался в кожу. Ветер трепал рубашку, забирался под неё, ледяными пальцами царапал грудь.

Внизу — улица. Тёмная. Пустая. Холодная.

Кайлан посмотрел вниз. Потом на того человека.

Тот смотрел в ответ. Спокойно. Ждал.

Кайлан медленно втянул ногу обратно. Спустился с подоконника. Встал на пол.

Холодный. Твёрдый.

Восточный воин кивнул. Развернулся. Спрыгнул с подоконника внутрь — легко, бесшумно, словно не прыгал, а шагнул.

Закрыл окно.

Задёрнул занавеску.

Обернулся к Кайлану.

— Спать, — сказал он.

И вышел из комнаты.

Дверь закрылась за ним тихо. Мягко.

Кайлан стоял посреди комнаты. Один. В темноте. В чужом доме.

Злость вернулась — холодная, тяжёлая, заполнившая грудь так, что стало трудно дышать.

Что-то сжалось в груди.

Но он не пошёл к окну.

Не пошёл к двери.

Просто стоял.

Долго.

Потом медленно вернулся к кровати. Лёг. Натянул одеяло на плечи.

Закрыв глаза.

И на этот раз заснул.

Но сон был коротким. Угли ещё не остыли. Значит — недолго.

Кайлан проснулся резко — так резко, что сердце забилось часто, больно, словно пыталось вырваться из груди. Открыл глаза. Темнота. Густая, плотная, давящая на глаза.

Он лежал. Слушал. Тишина. Только собственное дыхание — хриплое, неровное — и стук крови в ушах.

Где я?

Вопрос ударил в голову, острый и внезапный.

Кайлан резко сел. Одеяло сползло с плеч, упало на кровать. Холод впился в кожу — ночной воздух был ледяным.

Чужая комната. Чужая кровать. Чужой дом.

Злость поднялась снова — не постепенно, как раньше, а сразу, одной горячей волной, которая накрыла с головой, заполнила грудь, горло, голову.

Зачем?

Он спустил ноги с кровати. Босые ступни коснулись пола — холодного, твёрдого. Встал. Постоял, сжав кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

Зачем ты держишь меня здесь?

Вопрос прозвучал в голове громко, чётко. Но ответа не было.

Кайлан развернулся. Пошёл к двери. Толкнул её — слишком резко, она ударилась о стену с глухим стуком.

Вошёл в главную комнату.

Темнота здесь была не такой густой. Очаг потух — только тлеющие угли светились тускло-красным, отбрасывая слабые блики на стены. Окно напротив было занавешено, но сквозь щели пробивался серый свет — не рассвет ещё, но уже не ночь.

Восточный воин стоял у окна.

Спиной к комнате. Неподвижно. Руки скрещены на груди. Голова слегка наклонена — словно смотрел на что-то за окном, хотя сквозь занавеску ничего не было видно.

Кайлан остановился посреди комнаты.

Смотрел на спину того человека. На тёмные волосы, собранные в хвост. На жилет без рукавов, на свободную рубашку под ним. На босые ноги.

Скажи что-нибудь.

Но тот человек молчал.

Злость усилилась. Горячая. Тяжёлая. Она давила на грудь, сжимала горло, заставляла руки дрожать.

— Зачем? — вырвалось у Кайлана.

Голос был хриплым. Громким. Слишком громким для ночной тишины.

Восточный воин не обернулся.

— Зачем ты держишь меня здесь? — Кайлан сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Кулаки сжались сильнее. — Что тебе нужно?

Тишина.

— Отвечай! — крикнул Кайлан. Голос сорвался, стал выше, резче. — Почему ты не отпускаешь меня? Почему не говоришь ничего? Почему...

Он осёкся. Горло сжалось так сильно, что стало больно дышать.

Восточный воин медленно обернулся.

Посмотрел на Кайлана.

Лицо было спокойным. Без злости. Без раздражения. Тёмные глаза отражали тусклый свет от углей — маленькие красные точки в темноте.

— Я не держу тебя, — сказал он тихо.

Голос был ровным. Таким же спокойным, как всегда.

— Дверь не заперта. Окно ты сам закрыл.

Кайлан дышал часто, поверхностно. Смотрел на того человека, не отводя взгляда.

— Тогда зачем? — выдавил он сквозь зубы. — Зачем ты спас меня? Принёс сюда? Кормишь — зачем?

Восточный воин не ответил сразу.

Он смотрел на Кайлана долго — так долго, что мальчик начал чувствовать, как злость медленно гаснет, превращается во что-то другое. Не холодное. Не горячее. Пустое.

— Не знаю, — сказал тот человек наконец.

Тихо. Честно.

Кайлан моргнул.

— Что?

— Не знаю, — повторил восточный воин. — Зачем я спас тебя.

Он отошёл от окна. Прошёл к столу — медленно, бесшумно. Оперся о край стола ладонями. Посмотрел вниз, на тёмное дерево.

— Видел, как ты упал перед конём, — сказал он негромко. — Видел, как командир потянулся к мечу. Видел, как ты лежал на земле.

Помолчал.

— И не смог пройти мимо.

Кайлан не двигался. Смотрел на спину того человека. Не понимал.

— Почему? — спросил он тихо.

Восточный воин поднял голову. Посмотрел на стену перед собой.

— Не знаю, — повторил он в третий раз. — Может быть, потому что ты маленький. Может быть, потому что голодный. Может быть, потому что один.

Ещё пауза. Долгая.

— Может быть, потому что я тоже был таким когда-то.

Он обернулся. Посмотрел на Кайлана.

— Не знаю, — сказал он просто. — Честно не знаю.

Кайлан стоял молча. Руки разжались. Кулаки превратились в ладони — дрожащие, холодные.

Ты не знаешь.

Мысль была странной. Непонятной.

Ты спас меня, принёс сюда, кормишь — и не знаешь зачем.

Злость исчезла. Совсем. Осталась только пустота — холодная, тяжёлая, заполнившая грудь так, что стало трудно дышать.

— Что ты хочешь от меня? — спросил Кайлан тихо.

Восточный воин покачал головой.

— Ничего.

— Ничего? — Кайлан сделал шаг вперёд. — Все всегда чего-то хотят. Все. Всегда.

Тот человек смотрел на него спокойно.

— Тогда я не как все, — сказал он просто.

Кайлан открыл рот. Хотел сказать что-то. Хотел крикнуть, что это неправда, что так не бывает, что люди не делают ничего просто так.

Но слова застряли где-то в горле.

Восточный воин выпрямился. Отошёл от стола. Прошёл мимо Кайлана — так близко, что мальчик почувствовал запах. Свежий. Чистый. С лёгким оттенком чего-то незнакомого.

Остановился у двери.

— Хочешь уйти — уходи, — сказал он, не оборачиваясь. — Хочешь остаться — оставайся. Выбор твой.

Открыл дверь.

— Я буду на крыше.

И вышел.

Дверь закрылась за ним тихо. Мягко.

Кайлан стоял посреди комнаты. Один. В темноте. В чужом доме.

Слушал, как босые ноги того человека шуршат по камню снаружи. Слушал, как звук удаляется, становится тише, исчезает.

Потом — тишина.

Кайлан медленно подошёл к двери. Коснулся дерева ладонью — тёплого, гладкого. Постоял так долгое мгновение.

Потом толкнул.

Дверь открылась.

Холод ударил в лицо — резкий, ледяной. Кайлан втянул воздух носом, зажмурился. Выдохнул.

Открыл глаза.

Улица была пустой. Серый предрассветный свет окрашивал всё вокруг в тусклые тона — дома, камни, небо. Ни звука. Ни голосов, ни шагов, ни скрипа повозок.

Кайлан вышел наружу. Босые ноги коснулись камня — холодного, шершавого. Он поёжился, обхватил себя руками. Рубашка была тонкой — слишком тонкой для холодного утра.

Посмотрел вверх.

Восточный воин сидел на крыше.

На самом краю, там где раньше. Свесив босые ноги вниз. Тёмные штаны, свободная рубашка, жилет без рукавов. Чёрные волосы, собранные в хвост, развевались на ветру.

Он смотрел на восток — туда, где небо медленно светлело, превращаясь из тёмно-серого в светло-серое.

Кайлан стоял внизу. Смотрел вверх. Не двигался.

Почему ты на крыше?

Вопрос повис в голове. Тяжёлый. Непонятный.

Почему не внутри? Почему не в тепле?

Тот человек не шевелился. Просто сидел — словно статуя. Только волосы развевались на ветру.

Кайлан сделал шаг назад. Потом ещё один. Холод впивался в кожу, забирался под рубашку, царапал грудь ледяными пальцами.

Он развернулся. Пошёл обратно к двери.

Остановился на пороге.

Обернулся.

Восточный воин всё так же сидел на крыше. Всё так же смотрел на восток.

Ты один.

Мысль пришла внезапно. Тихо.

Ты один, как и я.

Кайлан стоял на пороге долгое мгновение. Смотрел вверх. Потом медленно вошёл внутрь.

Закрыв дверь за собой.

Прислонился к ней спиной. Тяжело дышал — не от усталости, а от чего-то другого. Чего-то тяжёлого, что давило на грудь, сжимало горло.

Не знаю.

Слова того человека всё ещё звучали в голове.

Честно не знаю.

Кайлан медленно сполз по двери вниз. Сел на пол. Обхватил колени руками. Прижал подбородок к коленям.

Закрыв глаза.

Угли в очаге тлели тускло-красным. Свет был слабым — едва достаточным, чтобы различать очертания предметов. Стол. Котелок над очагом. Дверь в спальню.

Тишина.

Кайлан сидел на полу. Не двигался. Просто сидел — в темноте, в холоде, в чужом доме.

И ждал рассвета.

Рассвет пришёл медленно.

Сначала — серый свет, просочившийся сквозь щели в занавеске. Потом — бледно-оранжевый, окрасивший края ткани. Потом — яркий, заполнивший комнату так, что стало больно смотреть на окно.

Кайлан всё ещё сидел на полу. Спиной к двери. Колени прижаты к груди, руки обхватили голени. Подбородок упирался в колени.

Не спал. Просто сидел.

Слушал, как дом просыпает. Как дерево потрескивает, нагреваясь от солнца. Как за окном начинают щебетать птицы — тихо, осторожно, словно проверяя, безопасно ли.

Слушал, как на крыше шуршат босые ноги.

Тот человек всё ещё был там.

Кайлан медленно поднял голову. Посмотрел на дверь перед собой. Потом на потолок.

Почему он там?

Вопрос повис в голове. Тяжёлый.

Почему не спит? Почему сидит на холоде?

Кайлан медленно встал. Ноги затекли — острая боль прошлась по икрам, заставила поморщиться. Он переступил с ноги на ногу, подождал, пока боль отпустит.

Подошёл к двери. Коснулся дерева ладонью. Постоял так.

Потом толкнул.

Дверь открылась.

Утро было холодным. Воздух кусался — острый, свежий, пахнувший росой и камнем. Кайлан втянул носом, зажмурился. Выдохнул белым облачком пара.

Посмотрел вверх.

Восточный воин всё так же сидел на крыше. На том же месте. В той же позе — ноги свисали вниз, руки лежали на коленях. Только теперь солнце освещало его сбоку, окрашивая смуглую кожу в золотисто-оранжевый.

Он смотрел на город.

Кайлан стоял внизу. Смотрел вверх. Не двигался.

Что ты видишь?

Тот человек медленно повернул голову. Посмотрел вниз. Прямо на Кайлана.

Не говорил. Просто смотрел — спокойно, без вопросов.

Потом кивнул. Один раз. Коротко.

Жест был простым. Понятным.

Иди сюда.

Кайлан стоял не двигаясь ещё долгое мгновение. Смотрел на того человека. Потом на стену дома.

Она была белой. Чистой. Гладкой. Без трещин, без выступов, без ничего, за что можно было бы ухватиться.

Не залезу.

Мысль пришла сразу. Уверенно.

Но восточный воин уже отвернулся. Снова смотрел на город.

Кайлан сжал кулаки, обошёл дом. Медленно. Босые ноги шуршали по холодному камню. Обогнул угол. Остановился.

С этой стороны стена была другой.

Старая бочка стояла у самого дома — деревянная, потрескавшаяся, пустая. Рядом — стопка ящиков, сложенных один на другой. Выше — карниз, узкий выступ под самой крышей.

Кайлан посмотрел вверх. Потом на бочку.

Подошёл. Толкнул её ногой — проверяя. Бочка качнулась, но не упала. Достаточно крепкая.

Он забрался на неё. Выпрямился, балансируя. Дотянулся до верхнего ящика. Пальцы скользнули по дереву — холодному, шершавому. Ухватился. Подтянулся.

Ящик заскрипел под весом, но выдержал.

Кайлан встал на него. Теперь карниз был прямо над головой. Он потянулся вверх, коснулся камня ладонями. Холодный. Твёрдый.

Подпрыгнул. Ухватился пальцами за край карниза. Повис. Ноги болтались в воздухе.

Подтянулся. Руки дрожали — не от слабости, а от напряжения. Закинул одну ногу на карниз. Потом вторую.

Замер. Лежал на узком выступе, прижавшись щекой к холодному камню. Тяжело дышал.

Потом медленно поднялся на четвереньки. Выпрямился. Встал в полный рост — осторожно, балансируя.

Крыша была прямо над головой. Покатая. Покрытая старой черепицей.

Кайлан дотянулся до края. Ухватился. Подтянулся. Закинул ногу. Подтянулся ещё раз.

И оказался на крыше.

Черепица была холодной под босыми ногами. Шершавой. Кайлан встал, выпрямился. Посмотрел вниз — на улицу, на дома напротив, на город, расстилавшийся внизу.

Высоко.

Очень высоко.

Сердце забилося быстрее. Кайлан сделал шаг назад, подальше от края. Присел на корточки. Балансировал, опираясь руками о черепицу.

Восточный воин сидел на другом конце крыши.

Спиной к Кайлану. Не обернулся. Просто сидел — в той же позе, с которой мальчик видел его снизу.

Кайлан медленно пополз к нему. На четвереньках. Черепица царапала ладони и колени — больно, остро. Он не обращал внимания.

Добрался до того человека. Остановился рядом. Сел — осторожно, медленно. Ноги свесил вниз, как у него.

Посмотрел на город.

И замер.

Вэлдор расстился внизу — огромный, бескрайний, залитый утренним светом.

Белые дома столицы сияли на солнце — чистые, целые, красивые. Серебряная Цитадель возвышалась в центре, шпили её башен пронзали небо. Река Сталгрим блестела, как полированный металл. Мосты пересекали её — каменные арки с крошечными фигурками людей,двигающихся туда-сюда.

Но дальше — за белыми домами, за чистыми улицами — город темнел.

Серые крыши. Покосившиеся стены. Узкие, грязные улицы. Дым поднимался оттуда — чёрный, густой, застилающий небо.

Округа.

Кайлан смотрел на них. Не моргал.

Там я жил.

Мысль была тихой. Тяжёлой.

Там я украл хлеб. Там Рык чуть не убил меня. Там я был один.

Восточный воин молчал. Просто сидел рядом. Смотрел туда же.

Ветер трепал их волосы. Холодный. Резкий. Кайлан поёжился, обхватил себя руками. Рубашка была тонкой — слишком тонкой для утра на крыше.

Внизу город просыпался. Голоса долетали снизу — приглушённые, далёкие. Где-то заржал конь. Где-то хлопнула дверь. Колокола Серебряной Цитадели пробили час — глубокий, мощный звук, прокатившийся над городом волной.

Кайлан повернул голову. Посмотрел на того человека — на профиль, освещённый утренним солнцем. На высокие скулы. На раскосые глаза, прищуренные против света. На чёрные волосы, развевающиеся на ветру.

— Как тебя зовут? — спросил он тихо.

Тот человек не обернулся. Продолжал смотреть на город.

— Миро, — сказал он просто.

Голос был спокойным. Ровным. Словно это был самый обычный вопрос в мире.

Кайлан кивнул. Один раз. Коротко.

Отвернулся. Снова посмотрел на город.

Они сидели молча. Долго. Солнце поднималось выше, заливая крыши ярким светом. Тени становились короче, резче. Маленькие фигурки людей появлялись на улицах внизу, двигались между домами, как муравьи в муравейнике.

— Почему ты спас меня? — спросил Кайлан внезапно.

Слова вырвались сами — резко, громче чем он хотел.

Миро не обернулся. Продолжал смотреть на город.

— Не знаю, — сказал он тихо. — Честно не знаю.

Кайлан дёрнулся. Повернулся к нему всем телом.

— Это не ответ! — голос сорвался, стал выше. — Так не отвечают!

Миро медленно повернул голову. Посмотрел на него спокойно.

— Но это правда.

— Нет! — Кайлан вскочил. — Ты бы спас любого? Кто угодно упал бы перед конём — ты бы встал?

Миро смотрел на него долго. Потом медленно кивнул.

— Да.

Слово было простым. Честным.

Кайлан замер. Смотрел на него, не веря.

— Да? — повторил он тихо. — Просто да?

— Да, — подтвердил Миро. — Любого. Если это правильно.

Что-то внутри Кайлана взорвалось. Горячее. Болезненное.

— Значит я никто! — крикнул он. Голос сорвался, задрожал. — Просто случайный! Мог быть кто угодно! Я не важен! Я просто... просто...

Он осёкся. Горло сжалось так сильно, что стало трудно дышать.

Миро качал головой. Медленно.

— Нет, — сказал он тихо.

— Нет? — Кайлан смотрел на него. Руки дрожали. — Ты только что сказал...

— Я спас бы любого, — перебил Миро спокойно. — Это правда.

Помолчал.

— Но не с любым поступил бы так дальше.

Тишина.

Кайлан смотрел на него. Не моргал. Не понимал.

— Что? — выдавил он наконец.

Миро посмотрел на город. Потом снова на Кайлана.

— Спасти — просто, — сказал он негромко. — Встать между мечом и ребёнком. Это правильно. Это легко.

Поднял руку. Указал на дом внизу.

— Принести домой — сложнее. Накормить — ещё сложнее. Позволить уйти и ждать когда вернётся — очень сложно.

Опустил руку.

— Не с каждым я бы так поступил.

Долгая пауза. Ветер свистел между крышами. Где-то внизу кто-то кричал — торговец, наверное, зазывая покупателей.

Кайлан смотрел на Миро. Не знал что сказать.

Не с каждым.

Слова крутились в голове. Тяжёлые. Непонятные.

Почему со мной?

Вопрос застрял в горле. Не вышел наружу.

Миро отвернулся. Снова посмотрел на город — на белые дома, на серые округа за ними.

— Красиво, — сказал он негромко. — Издалека.

Помолчал.

— Вблизи — нет.

Кайлан проследил за его взглядом. Посмотрел на округа — на серые крыши, на дым, поднимающийся в небо.

Там я всегда убегал.

Мысль пришла внезапно. Ясно.

От Рыка. От голода. От всех.

Миро поднял руку, указал вдаль — туда, где за серыми округами начинались холмы, покрытые туманом.

— Оттуда, — сказал он просто. — Далеко. Очень далеко.

Кайлан посмотрел на холмы. Они были едва видны — серые тени на горизонте.

— Ты умеешь драться? — спросил Миро внезапно.

Кайлан вздрогнул. Повернул голову.

— Что?

— Драться, — повторил Миро. — Умеешь?

Кайлан нахмурился.

— Да. Конечно.

Миро посмотрел на него. Долго. Внимательно.

— Покажи руки.

Кайлан медленно протянул руки вперёд. Ладони вверх.

Миро взял их в свои — осторожно, мягко. Посмотрел на костяшки, на царапины, на грязь под ногтями. Провёл большим пальцем по одной из царапин — свежей, ещё не зажившей.

— Ты дерёшься так, — сказал он негромко. — Кулаками. Быстро. Грязно.

Отпустил руки Кайлана.

— Это не драться. Это выживать.

Кайлан сжал кулаки. Положил их на колени.

— В чём разница? — спросил он резко.

Миро посмотрел на него. Потом снова на город.

— Когда выживаешь — убегаешь, — сказал он спокойно. — Когда дерёшься — побеждаешь.

Помолчал.

— Ты всегда убегал. Правильно?

Кайлан не ответил. Смотрел вниз, на свои руки.

Правильно.

Мысль была тяжёлой.

Всегда. От всех.

— Хочешь научиться не убегать? — спросил Миро тихо.

Кайлан поднял голову. Посмотрел на него.

Миро смотрел в ответ. Спокойно. Без насмешки. Без жалости.

— Я могу научить, — сказал он просто. — Если хочешь.

Кайлан смотрел на него. Не моргал. Внутри что-то сжалось. Больно.

Зачем?

Но он уже знал ответ.

Не знаю. Не с каждым. Но со мной — да.

Смотрел на свои руки. Потом на Миро.

Там я всегда буду убегать. Всегда. До конца.

— Научи, — сказал Кайлан сквозь зубы.

Голос был хриплым. Тихим. Но твёрдым.

Миро посмотрел на него. Долго. Потом медленно кивнул.

— Хорошо, — сказал он просто.

Убрал руку. Встал — легко, плавно, словно не на покато́й крыше, а на ровной земле.

Протянул руку вниз.

Кайлан посмотрел на неё. Потом на Миро.

Взял его руку.

Миро помог ему встать. Крепко. Уверенно.

— Начнём завтра, — сказал он негромко. — На рассвете.

Кайлан кивнул. Коротко.

— Хорошо.

Миро отпустил его руку. Отошёл к краю крыши. Посмотрел вниз. Потом просто шагнул в пустоту.

Кайлан дёрнулся вперёд — инстинктивно, не думая.

Но Миро не упал.

Он приземлился внизу — мягко, бесшумно, согнув колени. Выпрямился. Посмотрел вверх. Кивнул.

Потом развернулся и пошёл к двери.

Кайлан стоял на краю крыши. Смотрел вниз — на белый камень улицы, на отступающую спину Миро. Холод впивался в кожу. Ветер трепал рубашку.

Он постоял ещё мгновение. Потом развернулся.

Пересёк крышу обратно. Медленно. Осторожно. Черепица была скользкой под босыми ногами.

Дошёл до края. Присел на корточки. Развернулся спиной к улице. Спустил ноги вниз, нащупывая карниз.

Нашёл. Оперся руками о край крыши. Медленно сполз вниз, пока ноги не коснулись узкого выступа.

Постоял на карнизе. Балансируя. Потом присел. Спрыгнул на верхний ящик — мягко, почти бесшумно.

Ещё один прыжок — на бочку. Она качнулась под весом, закрипела. Кайлан замер, подо- ждал. Потом спрыгнул на землю.

Камень был холодным под босыми ногами. Твёрдым.

Он обошёл дом. Дошёл до двери. Толкнул её.

Миро уже стоял у очага. Спиной к двери. Подкладывал дрова в огонь — медленно, раз- меренно.

Кайлан вошёл внутрь. Остановился у порога.

Миро обернулся. Посмотрел на него. Кивнул — один раз, коротко.

Кайлан кивнул в ответ.

Миро отвернулся. Снова занялся очагом.

Кайлан закрыл дверь за собой.

Тихо.

Мягко.

Глава 3

«Обучение»

Рассвет пришёл слишком быстро.

Кайлан едва успел провалиться в сон, когда чья-то рука тряхнула его за плечо. Он вскочил, сжав кулаки — старый рефлекс, — но это был только Миро. Тот стоял у кровати с деревянным ведром в руках.

— Вставай, — сказал он просто. — Работа не ждёт.

Кайлан моргнул, пытаясь прогнать остатки сна. За окном небо только начинало светлеть — серое, холодное, неприветливое. Он ожидал увидеть мечи. Или хотя бы палки для тренировки. Но Миро протянул ему ведро.

— Колодец в трёх домах отсюда, — сказал учитель. — Нужно десять вёдер. Для готовки, для мытья, для огорода.

Кайлан уставился на ведро, потом на Миро.

— Это... это и есть обучение?

Миро усмехнулся — лёгкая, едва заметная улыбка.

— Это начало.

Колодец оказался дальше, чем Кайлан думал. И ведро — тяжелее. Первые два раза он донёс воду без особых проблем, расплескав лишь немного. На третий раз руки начали гореть. На пятый — онемели. На седьмой он споткнулся о камень и вылил половину ведра на себя. Холодная вода обожгла кожу сквозь рубашку, и Кайлан выругался — коротко, злобно, так как научился на улицах.

Миро сидел на крыльце, чиня какую-то рыболовную сеть. Он даже не поднял головы.

— Ещё три, — сказал он спокойно.

Кайлан сжал зубы и пошёл обратно к колодцу.

Когда последнее ведро было принесено, солнце уже поднялось над крышами. Кайлан опустился на ступеньку, тяжело дыша. Ладони горели, плечи ныли, спина казалась чужой — жёсткой и неподатливой.

— Хорошо, — сказал Миро, откладывая сеть. — Теперь мешки.

Мешки с зерном лежали в сарае за домом — огромные, грубые, пахнущие пылью и мышами. Миро указал на ближайший.

— Рынок. Лавка Старого Харна. Знаешь, где?

Кайлан кивнул. Он знал все лавки в этой части города — знал, где можно украсть, а где тебя поймают за руку.

— Неси туда. Потом вернёшься за вторым.

Кайлан поднял мешок — и чуть не упал. Зерно внутри сместилось, потянув его вниз. Он выругался снова, перехватил мешок поудобнее и поволок к выходу.

Дорога до рынка заняла вечность. Мешок давил на плечи, впивался в кожу сквозь рубашку. Прохожие косились на него — грязного, потного, шатающегося под тяжестью ноши. Кайлан не смотрел на них. Он смотрел только вперёд, считая шаги. Десять. Двадцать. Пятьдесят. Сто.

Старый Харн принял мешок молча, бросив Кайлану медный грош. Кайлан не взял монету — просто развернулся и пошёл обратно.

Второй мешок был тяжелее. Или руки стали слабее. Кайлан не знал. Он тащил его, скрипя зубами, чувствуя, как каждый шаг отдаётся болью в спине. Где-то на полпути он остановился, прислонившись к стене дома. Дышал, пока сердце не перестало колотиться. Потом поднял мешок снова.

Когда он вернулся, Миро уже ждал его с новым заданием.

— Сосед, — сказал он, кивая на соседний дом. — Старик Рен. Огород нужно вспахать. Он сам не может — спина больная.

Кайлан посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Где меч? — спросил он тихо, но в голосе звенела злость. — Ты обещал научить меня драться. Не таскать мешки. Не копать землю. Драться.

Миро встал, подошёл ближе. Его глаза — тёмные, спокойные — смотрели прямо в глаза Кайлана.

— Ты хочешь победить в бою? — спросил он.

— Да.

— Тогда сначала научись не падать от усталости.

Он развернулся и пошёл в дом, оставив Кайлана стоять на крыльце. Ветер трепал его волосы, охлаждал мокрую от пота рубашку. Кайлан постоял ещё мгновение, потом выругался и пошёл к дому старика Рена.

Огород был небольшим, но земля — твёрдой, каменистой. Лопата скрипела, врезаясь в грунт. Руки, и без того измученные ведрами и мешками, отказывались слушаться. Кайлан копал медленно, яростно, ненавидя каждый комок земли.

Старик Рен вышел на крыльцо, посмотрел на него долго и молча. Потом кивнул — коротко, уважительно — и ушёл обратно в дом.

Кайлан продолжал копать.

Дни слились в одну бесконечную череду работы.

Рубить дрова. Миро показал ему, как правильно держать топор, как бить, чтобы полено раскалывалось с первого удара. Кайлан бил снова и снова — сотни раз, до онемения рук, до тех пор, пока топор не начал казаться продолжением его тела.

Чинить забор. Миро дал ему молоток и гвозди, указал на покосившиеся доски. Кайлан работал молча, вбивая гвозди с такой силой, будто хотел пробить дерево насквозь.

Носить воду. Снова и снова. Каждый день. Десять вёдер утром, десять вечером.

Где меч? — хотел кричать Кайлан. *Где бой? Где обещанное обучение?*

Но он молчал. Работал. Злился.

Вечером, когда солнце садилось за крыши, Миро садился на крыльцо и начинал говорить.

Он рассказывал истории — о далёких землях за холмами, где песок горяч как огонь, а небо такое синее, что больно смотреть. О монастырях, где монахи учатся драться годами, прежде чем впервые возьмут в руки оружие. О войнах, которые длились десятилетия, и о мире, который приходил внезапно, как первый снег.

Кайлан слушал молча. Сидел на ступеньке, обхватив колени руками, и слушал. Голос Миро был ровным, негромким — он не пытался впечатлить, не украшал слова. Просто рассказывал. И Кайлан запоминал каждое слово.

Никто никогда не разговаривал с ним так. На улицах говорили быстро, грубо, всегда с целью — приказать, обмануть, запугать. Но Миро говорил просто так. Потому что хотел. Потому что считал, что Кайлан достоин услышать.

Однажды вечером, когда Кайлан уже почти засыпал на ступеньке, Миро замолчал на полуслове.

— Ты злишься, — сказал он. Не вопрос. Констатация факта.

Кайлан открыл глаза.

— Да.

— На меня?

— На всё.

Миро кивнул, будто это был правильный ответ.

— Хорошо, — сказал он. — Злость — это топливо. Но если ты не научишься её контролировать, она сожжёт тебя изнутри.

Кайлан посмотрел на него долго, пытаясь понять, насмехается ли Миро. Но лицо учителя было серьёзным.

— Ты говоришь загадками, — сказал Кайлан устало.

Миро усмехнулся.

— Тогда слушай внимательнее.

Прошла ещё неделя. Или две. Кайлан перестал считать дни. Они стали одинаковыми — работа, усталость, вечерние истории, сон. Но что-то менялось. Мешки больше не казались такими тяжёлыми. Топор послушно раскалывал поленья. Вёдра с водой он носил почти не расплескивая.

Тело привыкало. Становилось сильнее. Жёстче.

Однажды утром Миро вышел на крыльцо с двумя палками в руках. Они были длинные, гладкие, тщательно обструганные. Он молча протянул одну Кайлану.

Кайлан взял её, почувствовав знакомую тяжесть дерева. Его сердце забилося быстрее.

— Наконец-то, — прошептал он.

Миро покачал головой.

— Не наконец-то. Только начало.

Он развернулся и пошёл к дому, держа свою палку небрежно, будто трость.

— Завтра, — сказал он через плечо. — Завтра мы начнём.

Кайлан стоял на крыльце, сжимая палку в руках. Дерево было тёплым, живым. Он провёл пальцами по гладкой поверхности, чувствуя каждую неровность.

Но день не закончился. Миро снова дал ему мешки — три на этот раз. Снова вода из колодца. Снова дрова. Кайлан работал, но мысли были не здесь. Они были в завтрашнем дне, в палке, которая лежала в доме, ждала его. Он спотыкался, расплёскивал воду, промахивался топором. Миро ничего не говорил, только смотрел — долго, внимательно.

Вечером Миро рассказывал о старом мастере, который учил своих учеников три года, прежде чем показал им первый удар. О терпении, которое острее любого клинка. О том, что настоящая сила приходит не из мышц, а из понимания.

Кайлан слушал, прислонившись спиной к стене дома. Луна висела над крышами — тонкий серп, едва видимый сквозь облака. Где-то вдали лаяла собака. Ветер шелестел листьями.

— Почему ты спас меня? — спросил Кайлан внезапно.

Миро замолчал. Долго смотрел в темноту.

— Я уже ответил на этот вопрос, — сказал он наконец.

— Нет. Ты сказал, что спас бы любого. Но почему ты учишь меня?

Миро повернул голову, посмотрел на Кайлана. В его глазах отражался лунный свет.

— Потому что ты вернулся, — сказал он просто. — Ты пытался уйти. И вернулся. Это говорит больше, чем любые слова.

Кайлан не знал, что ответить. Он смотрел на луну, чувствуя, как в груди что-то сжимается — не больно, но странно, незнакомо.

— Спать, — сказал Миро, поднимаясь. — Завтра будет долгий день.

Кайлан кивнул и пошёл в дом. Лёг на кровать, закрыл глаза. Но сон не шёл. Он лежал в темноте, слушая ночные звуки — скрип половиц, шорох ветра, далёкий крик совы.

Палка лежала рядом с кроватью. Кайлан протянул руку, коснулся её пальцами.

Завтра, подумал он. *Завтра начнётся настоящее.*

И впервые за долгое время — может, за всю жизнь — он засыпал не с холодной злостью в груди, а с чем-то другим. Чем-то похожим на надежду.

Рассвет пришёл, и палка всё ещё лежала рядом с кроватью.

Кайлан проснулся раньше, чем обычно — сам, без зова Миро. Открыл глаза и сразу посмотрел на неё. Гладкое дерево, тщательно обструганное, тёплое на ощупь. Он протянул руку, коснулся пальцами, почувствовал знакомую тяжесть. Сердце забило быстрее.

Сегодня.

Он оделся быстро, почти не дыша. Вышел на крыльцо с палкой в руках. Утро было холодным — туман стелился над улицей, прятал дальние дома. Миро уже стоял во дворе, держа свою палку небрежно, будто трость.

— Готов? — спросил он.

Кайлан кивнул, сжимая дерево до боли в пальцах.

Миро подошёл ближе, остановился в шаге от него.

— Стойка, — сказал он просто. — Ноги на ширине плеч. Левая чуть впереди. Колени согнуты. Вес распределён равномерно.

Кайлан послушно расставил ноги. Миро обошёл его медленно, разглядывая.

— Плечи расслаблены, — продолжал учитель. — Палка держится двумя руками — правая у основания, левая на трети от конца. Не сжимай слишком сильно. Дерево — продолжение тела, не враг.

Кайлан ослабил хватку. Палка казалась странной в руках — не тяжёлой, но неудобной. Не как топор. Не как ведро. Другой.

— Хорошо, — сказал Миро. — Теперь стой.

Кайлан стоял.

Миро отошёл, сел на ступеньку крыльца. Достал из кармана яблоко, начал резать его маленьким ножом.

— Сколько стоять? — спросил Кайлан.

— Пока не скажу.

Прошла минута. Потом ещё одна. Кайлан стоял, держа палку, чувствуя, как туман оседает на коже холодными каплями. Ноги начали затекать. Руки — неметь. Он переминался с ноги на ногу.

— Не двигайся, — сказал Миро, не поднимая глаз от яблока.

Кайлан замер. Злость поднималась в груди — горячая, знакомая. *Это обучение? Стоять как столб?*

Прошло ещё пять минут. Или десять. Спина начала ныть. Плечи — гореть. Кайлан сжал зубы, пытаясь не двигаться, но тело не слушалось. Дрожь пробегала по мышцам.

— Можно...

— Нет, — сказал Миро спокойно.

Кайлан выругался — тихо, сквозь зубы. Миро усмехнулся.

— Злость не поможет. Дыши.

Кайлан дышал. Глубоко, медленно. Туман входил в лёгкие холодом, выходил паром. Постепенно дрожь утихла. Тело привыкло к позе. Стало легче.

Когда Миро наконец встал, солнце уже поднялось над крышами.

— Хорошо, — сказал он. — На сегодня хватит.

Кайлан опустил палку, чувствуя, как руки горят огнём.

— Это всё? — спросил он, не веря. — Я просто стоял.

— Ты учился стоять правильно, — ответил Миро. — Завтра научишься двигаться.

Он развернулся и пошёл в дом. Кайлан остался во дворе, сжимая палку, чувствуя разочарование тяжёлым камнем в груди.

Дни слились в рутину.

Утром — стойка. Миро заставлял его стоять всё дольше. Час. Два. Кайлан стоял, ненавидя каждую секунду, чувствуя, как тело каменеет. Потом — движения. Медленные, контролируемые. Шаг вперёд, шаг назад. Удар сверху, удар снизу. Сотни раз, до тех пор пока руки не начинали дрожать.

После тренировки — работа. Миро не отменил её. Вёдра с водой, мешки с зерном, дрова, забор. Кайлан таскал, копал, рубил, чинил. Тело болело постоянно — ноющей, тупой болью, которая не проходила даже ночью.

Он злился. Кричал на Миро — где настоящая тренировка? Где бой? Миро только смеялся — коротко, весело — и показывал следующее движение.

— Терпение, — говорил он. — Сила приходит через время.

Кайлан не верил. Но продолжал.

Недели превратились в месяцы.

Однажды утром, таская очередной мешок на рынок, Кайлан заметил, что идёт быстрее обычного. Мешок не тянул плечи вниз. Не давил. Он нёс его легко, почти не замечая веса.

Остановился посреди улицы, удивлённо глядя на свои руки. Они стали другими. Жилыми. Сильными. Мозоли покрывали ладони — грубые, твёрдые. Он провёл пальцами по предплечью, почувствовал мышцы под кожей — плотные, упругие.

Когда это случилось?

Вечером, проходя мимо лавки с зеркалами на рынке, он остановился. Посмотрел на своё отражение. Лицо стало острее — скулы выступали, челюсть жёстче. Плечи шире. Тело больше не казалось детским, хрупким. Оно стало... другим.

Миро подошёл сзади, встал рядом.

— Видишь? — спросил он тихо.

Кайлан кивнул, не отрывая взгляда от зеркала.

— Работа меняет не только тело, — продолжал Миро. — Она меняет то, как ты видишь себя.

У лавки Старого Харна Миро остановился. Торговец кивнул, достал небольшой мешочек, протянул Кайлану.

— Твоя доля, — сказал он. — За три месяца.

Кайлан уставился на мешочек. Внутри звякнуло серебро.

— За что? — спросил он.

— За мешки, — сказал Миро. — Ты работал — ты заработал.

Кайлан взял мешочек. Тяжёлый. Настоящий. Он никогда не держал столько серебра. На улицах он крал медяки. Но это было другое.

— Я не украл, — сказал он тихо. Не Миро — себе.

— Нет, — согласился Миро. — Не украл.

Возвращались через Серый Предел — короткий путь, который Кайлан знал с детства. Узкие переулки, покосившиеся дома, запах гнили и дыма. Здесь он вырос. Здесь прятался от банд, воровал еду, засыпал в подворотнях.

Сейчас всё казалось меньше. Уже. Беднее.

В одном из переулков они наткнулись на Грева.

Кайлан узнал его сразу — высокий, широкоплечий, с кривым носом и шрамом через бровь. Грев был старше, сильнее, злее. Он собирал «дань» с младших — еду, монеты, всё что можно было отобрать.

Сейчас Грев стоял над маленьким мальчишкой, прижав того к стене. Мальчик плакал, прятал лицо в ладонях.

— Где монеты? — рычал Грев. — Я знаю, старуха дала тебе грош. Отдавай!

Кайлан остановился. Миро тоже — молча, наблюдая.

Грев ударил мальчишку по лицу. Тот упал, скулил, пытаясь отползти. Грев занёс ногу для удара.

Кайлан двигался не думая.

Три шага — быстрые, лёгкие. Тело знало что делать. Он схватил Грева за плечо, развернул, ударил кулаком в живот. Грев согнулся, задыхаясь. Кайлан толкнул его в грудь — не сильно, но точно — и Грев упал на спину, ударившись затылком о камень.

Лежал, моргая, не понимая что случилось.

Кайлан стоял над ним, тяжело дыша, сжав кулаки. Злость горела в груди, но контролируемая — не дикая, как раньше. Управляемая.

— Уходи, — сказал он тихо. — И не возвращайся.

Грев поднялся, пошатываясь. Посмотрел на Кайлана долгим взглядом — удивлённым, испуганным. Потом развернулся и побежал прочь.

Мальчишка всё ещё сидел у стены, прижимая ладонь к разбитой губе. Кайлан протянул ему руку. Мальчик взял её, поднялся.

— Спасибо, — прошептал он.

Кайлан кивнул. Мальчик убежал, не оглядываясь.

Миро подошёл ближе, встал рядом.

— Ты даже не подумал, — сказал он. — Тело само знало.

Кайлан посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Не болели. Просто висели спокойно, готовые к действию.

— Это... — начал он, но не нашёл слов.

— Это то, чему я учил тебя, — сказал Миро. — Не удары. Не стойки. Понимание. Контроль. Готовность.

Они пошли дальше. Солнце садилось за крыши, окрашивая небо красным и золотым. Улицы пустели. Где-то вдали кричал торговец, зазывая последних покупателей.

Кайлан шёл рядом с Миро, чувствуя странную лёгкость в теле. Не усталость. Не боль. Что-то другое. Что-то новое.

Он вспомнил первый день — как нёс вёдра, задыхаясь, проклиная каждый шаг. Как таскал мешки, ненавидя их вес. Как копал землю, злясь на Миро, на себя, на весь мир.

Сейчас всё это казалось далёким. Не забытым — далёким. Как будто случилось с кем-то другим.

— Миро, — сказал он тихо.

— Да?

— Спасибо.

Миро посмотрел на него — долго, внимательно. Потом улыбнулся — настоящей улыбкой, тёплой и искренней.

— Ты заслужил это, — сказал он просто.

Они шли домой через пустеющие улицы, и Кайлан чувствовал, как что-то внутри него меняется. Не резко. Не болезненно. Медленно, незаметно, как дерево растёт из земли.

Он больше не был тем мальчишкой, который крал хлеб и прятался в подворотнях. Но ещё не стал тем, кем хотел быть.

Он был посередине. И впервые в жизни это не пугало его.

Завтра так и не наступило.

Кайлан проснулся от грохота копыт по мощёной улице. Звук был резким, настойчивым — не просто всадник проезжал мимо, а кто-то целенаправленно ехал сюда. Он вскочил с кровати, подбежал к окну. За стеклом серело утро — холодное, туманное, неприветливое. И прямо перед домом Миро, на чёрном коне, сидел человек в доспехах.

Командир.

Кайлан узнал его сразу. Та же широкая спина, те же красные плащи на плечах, тот же шлем с красным гребнем. Только теперь он был ближе — слишком близко. Конь фыркнул, мотнув головой, и командир спешился одним плавным движением. Доспехи лязгнули. Сапоги глухо ударили о камни.

Кайлан отпрыгнул от окна, прижавшись спиной к стене. Сердце колотилось так громко, что казалось, его слышно снаружи. *Он пришёл за мной. Он не забыл. Он видел меня на площади, и теперь пришёл.*

Дверь внизу скрипнула. Шаги — тяжёлые, уверенные — прозвучали в прихожей. Потом голос командира, низкий и твёрдый:

— Миро. Выходи.

Тишина. Долгая, напряжённая. Кайлан замер, не дыша. Потом послышались лёгкие шаги — Миро спускался по лестнице. Дверь открылась снова, и два голоса переместились на улицу. Кайлан осторожно подошёл к окну, прижавшись к раме так, чтобы его не было видно снаружи.

Командир стоял перед домом, скрестив руки на груди. Шлем был снят — лицо открыто. Кайлан видел его впервые так близко. Широкое, грубо обтёсанное, с шрамом через левую бровь. Глаза тёмные, жёсткие, как камень. Не злые — просто непреклонные. Это было лицо человека, который принимал решения и не оглядывался назад.

Миро стоял на пороге, опершись плечом о косяк. Он был без оружия, без доспехов — только простая серая рубашка и штаны. Но что-то в его позе, в том, как он держался, делало его не менее опасным, чем вооружённый командир.

— Валдрен, — сказал Миро спокойно. — Рано для визитов.

Валдрен. Значит, у командира было имя. Кайлан запомнил его, повторив про себя. *Валдрен.*

— Это не визит, — ответил Валдрен. Голос был низким, но не угрожающим. Просто констатирующим факты. — Ты знаешь, зачем я здесь.

Миро усмехнулся — едва заметно, одним уголком губ.

— Знаю. И ты знаешь мой ответ.

Валдрен шагнул ближе. Доспехи лязгнули снова. Он был на голову выше Миро, шире в плечах, тяжелее. Но Миро не отступил. Даже не пошевелился.

— Мальчик, — сказал Валдрен медленно, будто взвешивая каждое слово. — Тот, что потерял сознание на площади. Он здесь?

Кайлан перестал дышать. Пальцы вцепились в подоконник так сильно, что побелели костяшки.

Миро молчал долго. Потом кивнул.

— Здесь.

— Король желает знать, почему ты вмешался.

— Король может спросить сам.

Валдрен сжал челюсти. Шрам на его брови побелел.

— Не играй со мной, Миро. Ты знаешь, что он не говорит напрямую. Я его голос. И я спрашиваю: зачем ты спас мальчишку?

Миро пожал плечами.

— Потому что хотел.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который ты получишь.

Валдрен шагнул ещё ближе. Теперь между ними было меньше шага. Кайлан видел, как напряглись плечи Миро — едва заметно, но он видел. Валдрен тоже это заметил. Его рука легла на рукоять меча.

— Ты играешь с огнём, — сказал он тихо. — Король терпит твоё присутствие, потому что ты полезен. Но его терпение не бесконечно.

— Я в ужасе, — ответил Миро сухо.

Валдрен не улыбнулся. Не разозлился. Просто смотрел — долго, тяжело, будто пытался увидеть что-то скрытое под спокойной маской Миро.

— Мальчик, — повторил он. — Он не твоё дело.

— Всё, что происходит под этой крышей, — моё дело.

— Король не одобрит.

— Король не одобряет многое. Но он не запретил мне жить здесь. Не запретил брать учеников. Не запретил дышать. Пока он не сделает этого — я буду делать то, что считаю нужным.

Валдрен молчал. Рука всё ещё лежала на рукояти меча. Кайлан видел, как пальцы сжимались и разжимались — медленно, ритмично, будто командир считал до десяти, чтобы не сорваться.

— Ты не понимаешь, — сказал Валдрен наконец. Голос стал тише, почти усталым. — Ты не видишь картину целиком. Король ведёт Кэлдор к величию. Каждое решение, каждый приказ — всё служит этой цели. Но для этого нужен порядок. Дисциплина. Люди должны знать своё место.

— И место мальчика — умереть от голода на улице?

— Место мальчика — там, где ему определено судьбой. Не тебе решать иначе.

Миро наклонил голову, будто задумался.

— Тогда кому? Тебе? Королю?

— Да.

— Интересно.

Валдрен сделал ещё один шаг. Теперь они стояли почти вплотную. Кайлан видел, как Миро выпрямился — совсем чуть-чуть, почти незаметно. Но это было предупреждение. Валдрен тоже его понял. Он остановился.

— Я не хочу драться с тобой, Миро, — сказал он тихо. — Ты хороший воин. Может, даже лучше меня. Но я служу королю. И если он прикажет — я выполню приказ. Любой.

— Знаю, — ответил Миро так же тихо. — Поэтому я тебя и не ненавижу.

Валдрен моргнул — единственное проявление удивления, которое Кайлан увидел на его лице.

— Что?

— Ты веришь в то, что делаешь, — сказал Миро. — Ты не жесток ради жестокости. Ты не наслаждаешься болью. Ты просто выполняешь приказы, потому что считаешь их правильными. Это делает тебя опасным. Но не злым.

Валдрен молчал долго. Потом медленно убрал руку с рукояти меча.

— Ты странный человек, Миро.

— Слышал это раньше.

Валдрен развернулся, прошёл к коню. Взял поводья. Но не сел в седло. Стоял, глядя куда-то вдаль — на серые крыши, на туман, на холодное утро.

— Мальчик, — сказал он, не оборачиваясь. — Если ты учишь его драться — учи правильно. Мир жесток. Ошибки не прощаются.

— Знаю, — ответил Миро.

— И ещё, — Валдрен обернулся. Лицо было серьёзным, почти печальным. — Моя ответственность — защищать короля. Всеми средствами. Если мальчик станет угрозой... я не смогу закрыть глаза.

— Он не станет угрозой.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я буду рядом.

Валдрен посмотрел на него долго. Потом кивнул — один раз, коротко — и сел в седло. Конь фыркнул, нетерпеливо переступая копытами. Валдрен натянул поводья, развернул коня и поехал прочь. Грохот копыт эхом отразился от стен домов, потом стих вдали.

Миро стоял на пороге, глядя вслед всаднику. Потом медленно повернул голову и посмотрел прямо на окно, где прятался Кайлан.

Кайлан отпрыгнул, но было поздно. Миро видел его. Знал, что он слушал. Знал всё.

Шаги поднялись по лестнице. Дверь в комнату открылась. Миро вошёл, закрыл дверь за собой. Стоял молча, глядя на Кайлана.

— Ты слышал, — сказал он. Не вопрос.

Кайлан кивнул.

— Всё?

— Да.

Миро подошёл к окну, посмотрел на улицу. Туман начинал рассеиваться, открывая серые крыши и дымящиеся трубы.

— Валдрен — хороший человек, — сказал он тихо. — Но он служит не тому королю.

Кайлан нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

Миро покачал головой.

— Не сейчас. Однажды ты поймёшь сам.

Он развернулся, посмотрел на Кайлана. Глаза были серьёзными, но не сердитыми.

— Ты боишься его?

Кайлан хотел соврать. Сказать «нет», как учили на улицах — никогда не показывай страх. Но что-то в глазах Миро заставило его ответить честно.

— Да.

Миро кивнул.

— Хорошо. Страх — это не слабость. Страх — это инстинкт. Он говорит тебе, что ты в опасности. Слабость — это когда ты позволяешь страху управлять тобой.

Он подошёл ближе, положил руку на плечо Кайлана. Ладонь была тёплой, тяжёлой.

— Валдрен не тронет тебя, — сказал Миро. — Пока я рядом. Это обещание.

Кайлан посмотрел ему в глаза, ища ложь. Но там была только уверенность — спокойная, непоколебимая, как камень.

— Почему ты защищаешь меня? — спросил Кайлан тихо. — Я никто. Я ничего не стою. Почему ты рискуешь из-за меня?

Миро усмехнулся — той же едва заметной улыбкой, что показывал Валдрену.

— Потому что ты не никто, — сказал он просто. — Ты Кайлан. И этого достаточно.

Он отпустил плечо, прошёл к двери.

— Одевайся, — сказал он через плечо. — Завтра наступило.

Миро вышел на крыльцо с двумя палками в руках. Утро было серым, туманным — солнце ещё не поднялось над крышами, и воздух пах сыростью и дымом из труб. Кайлан стоял во дворе, ожидая очередного задания — дров, воды, мешков. Но учитель молча протянул ему одну из палок.

Кайлан взял её, чувствуя знакомую тяжесть дерева. Сердце забилося быстрее.

— Сегодня мы будем драться, — сказал Миро просто.

Слова повисли в воздухе. Кайлан смотрел на палку в руках, потом на Миро, не веря. Месяцы работы, месяцы ожидания — и вот оно. Наконец-то.

— Настоящий спарринг? — спросил он, и голос дрогнул.

— Да, — Миро повернулся к дому, держа свою палку небрежно. — Пойдём за дом. Там больше места.

Кайлан последовал за ним, сжимая палку так сильно, что побелели костяшки. Они прошли мимо поленницы, мимо сарая, к небольшой площадке, окружённой забором. Земля была утоптанной, ровной — здесь явно тренировались раньше. Кайлан видел следы на пыли, старые отметины от ударов на столбах забора.

Миро встал в центре площадки, развернулся лицом к Кайлану. Поднял палку перед собой — легко, будто она ничего не весила.

— Покажи, чему научился, — сказал он.

Кайлан принял стойку. Ноги на ширине плеч, колени чуть согнуты, вес равномерно распределён. Всё так, как учил Миро. Он поднял палку обеими руками, чувствуя, как мышцы напряглись, готовые к движению. Месяцы работы превратили его тело в нечто другое — жёсткое, послушное, сильное. Он чувствовал каждую мышцу, каждое движение. Это было странно и правильно одновременно.

Миро атаковал первым.

Удар пришёл сверху — быстрый, точный, как удар змеи. Кайлан едва успел поднять палку. Дерево лязгнуло о дерево, вибрация пошла по рукам. Он отступил, блокируя следующий удар — сбоку, потом снизу. Миро двигался плавно, будто танцевал, и каждое его движение перетекало в следующее без паузы.

Кайлан защищался, отступал, искал момент для контратаки. Но Миро не давал передышки. Удар, ещё удар, ещё. Палки лязгали, эхом отражаясь от забора. Пыль поднималась под ногами, висела в воздухе.

Дыши, напомнил себе Кайлан. *Не напрягай плечи. Смотри на бёдра, на ноги — удар начинается там.*

Он увидел, как Миро развернул бёдра, готовясь к удару справа. Блокировал раньше, чем палка пошла в движение. Миро качнул головой — и сменил направление, ударив слева. Кайлан не успел. Палка коснулась его рёбер — легко, почти нежно, но этого хватило, чтобы сбить дыхание.

— Ты думаешь слишком много, — сказал Миро, отступая. — Тело должно реагировать само. Без мыслей.

Кайлан кивнул, тяжело дыша. Рёбра ныли. Он принял стойку снова.

На этот раз атаковал первым.

Удар сверху — Миро блокировал легко. Удар сбоку — уклонился. Кайлан развернулся, ударил снизу, но палка встретила пустоту — Миро уже был в другом месте. Контратака пришла мгновенно — в плечо, жёстко, точно. Кайлан пошатнулся, но устоял.

Не сдавайся. Не останавливайся.

Он атаковал снова. Быстрее, злее, вкладывая всё тело в каждый удар. Миро отступал, блокировал, уклонялся. Лицо учителя оставалось спокойным, почти скупающим. Это злило. Кайлан ударил сильнее, забыв о технике, о дыхании, обо всём, чему его учили. Просто бил, снова и снова.

И вдруг Миро споткнулся.

Совсем чуть-чуть — едва заметное смещение веса, потеря баланса на долю секунды. Но Кайлан увидел. Не думая, он ударил — прямо, быстро, всем телом. Палка пошла вперёд, как стрела, и коснулась груди Миро.

Время замерло.

Кайлан стоял, тяжело дыша, держа палку у груди учителя. Пыль висела в воздухе, медленно оседая. Солнце пробилось сквозь облака, осветив площадку холодным светом. Где-то вдали кричали птицы.

Миро смотрел на него спокойно, без удивления, без злости. Потом медленно опустил свою палку.

— Хорошо, — сказал он просто.

Кайлан опустил палку. Руки дрожали — не от усталости, а от чего-то другого. Внутри что-то взорвалось — не злость, не ярость, а что-то яркое, острое, почти болезненное. Гордость. Чистая, жгучая гордость. Он победил. Впервые в жизни он победил кого-то, кто сильнее его. Не украл, не убежал, не обманул — победил честно, в бою.

— Я... я ударил тебя, — прошептал он, не веря собственным словам.

Миро подошёл, положил руку на его плечо. Ладонь была тёплой, тяжёлой.

— Ты хорошо дрался, — сказал он. — Быстро думал. Использовал возможность. Это важно.

Кайлан кивнул, чувствуя, как горло сжимается. Он хотел сказать что-то — спасибо, или что он старался, или что это лучший день в его жизни. Но слова не шли. Он просто стоял, сжимая палку, чувствуя руку Миро на плече.

— Но запомни, — продолжил Миро тихо, и голос стал серьёзным. — В настоящем бою не будет второго шанса. Ошибка стоит жизни. Твоей или чужой. То, что ты победил меня здесь, на этой площадке, — это хорошо. Но это только начало. Настоящий враг не будет таким добрым.

Он отпустил плечо, повернулся к дому.

— Отдыхай, — сказал он через плечо. — Завтра продолжим.

Кайлан остался стоять на площадке один. Пыль оседала медленно, покрывая его сапоги тонким слоем. Солнце поднималось выше, прогоняя туман, и крыши домов начинали блестеть от росы. Где-то вдали лаяла собака. Кто-то кричал, зазывая покупателей на рынок. Обычное утро в обычном городе.

Но для Кайлана это утро было особенным.

Он посмотрел на палку в руках. Дерево потемнело от пота, стало тёплым, почти живым. Он провёл пальцами по гладкой поверхности, чувствуя каждую неровность, каждую царапину. Эта палка была его. Продолжением руки. Частью его самого.

Он победил.

Не Рыка на улице, не какого-то случайного противника. Он победил Миро — человека, который двигался как ветер, который спрыгивал с крыш без единой царапины, который видел больше, чем обычные люди. И пусть это была тренировка, пусть Миро не бился всерьёз — это не имело значения. Кайлан доказал, что может. Что он не просто беспризорник с улицы. Что он может быть больше.

Гордость горела в груди, яркая и тёплая, прогоняя холод, который жил там так долго. Кайлан улыбнулся — сам себе, палке, утру. Широко, искренне, не скрывая радости.

Он поднял палку, принял стойку — ноги на ширине плеч, колени согнуты, вес равномерно. Сделал удар в воздух — медленно, плавно, чувствуя, как тело послушно повторяет движение. Потом ещё один. И ещё. Снова и снова, оттачивая технику, запоминая ощущения.

Пот катился по спине. Руки начали уставать. Но он не останавливался. Продолжал бить, снова и снова, пока солнце не поднялось высоко над крышами, пока тени не стали короткими и резкими.

Только тогда он опустил палку и пошёл в дом.

Миро сидел за столом, чиня ту же рыболовную сеть, что и раньше. Он поднял глаза, когда Кайлан вошёл, и кивнул — коротко, одобительно.

— Хорошо, — сказал он. — Ты не остановился. Это правильно.

Кайлан опустился на стул напротив, положил палку на стол. Руки дрожали от усталости, но внутри всё ещё горела гордость, яркая и тёплая.

— Я победил тебя, — сказал он тихо, будто проверяя, правда ли это.

Миро усмехнулся — той самой едва заметной улыбкой.

— Да, — ответил он просто. — Победил.

И этого было достаточно.

Вечером Кайлан вышел во двор с палкой в руках. Солнце садилось за крыши, окрашивая небо в тёмно-оранжевый цвет, почти кровавый у горизонта. Воздух остыл, стал свежим, пахнул дымом из труб и сырой землёй. Миро ушёл куда-то — не сказал куда, просто кивнул и исчез за углом дома. Кайлан остался один.

Он принял стойку посреди двора — ноги на ширине плеч, колени чуть согнуты, палка перед собой. Дерево было тёплым в руках, знакомым, почти живым. Он сделал удар в воздух — медленно, плавно, чувствуя, как мышцы напрягаются и расслабляются. Потом ещё один. И ещё. Снова и снова, повторяя движения, которые показывал Миро утром.

Пот выступил на лбу. Руки начали уставать, но он не останавливался. Продолжал бить, разворачиваться, блокировать воображаемые атаки. Мир сузился до палки, до движений, до дыхания. Больше ничего не существовало — только он, дерево в руках и тишина вечера.

Грохот копыт разорвал эту тишину.

Кайлан замер, палка застыла в воздухе на полпути к удару. Сердце ухнуло вниз, в живот. Он знал этот звук. Тяжёлый, уверенный, целенаправленный. Медленно, не опуская палки, он повернулся к воротам.

Валдрен сидел на чёрном коне прямо перед домом. Шлем был снят, лицо открыто — широкое, грубое, со шрамом через левую бровь. Тёмные глаза смотрели прямо на Кайлана — спокойно, оценивающе, без злости. Без ничего. Просто смотрели, как смотрят на вещь, которую надо изучить.

Командир не двигался, не говорил. Просто сидел в седле, держа поводья одной рукой. Вторая покоилась на бедре, рядом с рукоятью меча.

Кайлан стоял, сжимая палку так сильно, что побелели костяшки. Внутри всё сжалось в тугой узел. Но он не отступил. Не опустил палку. Просто стоял, глядя в ответ, чувствуя, как сердце колотится так громко, что кажется, его слышно снаружи.

Валдрен спешился одним плавным движением. Доспехи лязгнули, сапоги глухо ударили о камни. Он привязал коня к столбу забора — медленно, не спеша, будто у него было всё время мира. Потом повернулся к Кайлану.

Ничего не сказал. Просто встал у ворот, скрестив руки на груди, и продолжил смотреть.

Кайлан не двинулся с места. Внутри всё кричало — беги, прячься, исчезни. Но ноги не слушались. Он стоял, глядя на командира, чувствуя, как пот стекает по спине, как пальцы болят от напряжения, как воздух застревает в горле.

Тишина растянулась. Долгая, тяжёлая, давящая. Где-то вдали лаяла собака. Кто-то закрывал ставни — дерево скрипнуло. Ветер шелестел листьями на единственном дереве за забором.

Валдрен продолжал смотреть. Не моргал. Не шевелился. Просто стоял, как статуя, и его глаза не выражали ничего.

Кайлан сглотнул. Горло было сухим. Он хотел что-то сказать, спросить, почему командир здесь, чего он хочет. Но слова не шли. Застревали где-то внутри, тяжёлые и бесполезные.

Наконец Валдрен шевельнулся. Один шаг вперёд. Остановился. Посмотрел на палку в руках Кайлана, на напряжённую стойку, на лицо. Изучающе. Оценивающе. Будто рассматривал оружие перед покупкой.

— Покажи удар, — сказал он. Голос был низким, ровным. Не приказ. Просто констатация факта.

Кайлан не двинулся. Не понял, правда ли он слышал эти слова или это показалось.

— Покажи удар, — повторил Валдрен, и голос стал чуть холоднее.

Кайлан колебался. Внутри всё кричало, что это ловушка, что нельзя, что надо бежать. Но ноги не двигались. И что-то в голосе командира, в том, как он стоял — без оружия в руках, без явной угрозы — заставило повиноваться.

Он принял стойку. Сделал вдох. Ударил в воздух — быстро, резко, вкладывая всё тело в движение. Палка свистнула, рассекая воздух. Удар был хорошим. Кайлан знал это. Чувствовал, как правильно распределился вес, как плавно перетекло движение от бёдер к плечам, к рукам.

Валдрен не отреагировал. Лицо осталось каменным. Он просто кивнул — один раз, коротко — и продолжил смотреть.

— Ещё, — сказал он.

Кайлан ударил снова. Потом ещё раз. И ещё. Каждый удар был правильным, точным, быстрым. Он старался, вкладывал всё, что знал, всё, чему научил Миро. Но Валдрен не хвалил. Не одобрял. Просто стоял, наблюдая, и его лицо не выражало ничего.

Кайлан опустил палку, тяжело дыша. Руки дрожали — не от усталости, а от напряжения. Он ждал. Чего-то. Слов. Оценки. Хоть чего-нибудь.

Валдрен молчал долго. Потом повернулся к дому, будто Кайлана больше не существовало.

— Миро! — крикнул он. Не громко, но голос прорезал тишину, как нож. — Выходи.

Дверь открылась почти сразу. Миро вышел на крыльцо, опершись плечом о косяк. Он был без оружия, без доспехов — только простая серая рубашка и штаны. Но что-то в его позе, в том, как он держался, делало его не менее опасным, чем вооружённый командир.

— Валдрен, — сказал Миро спокойно. — Опять?

Валдрен не ответил. Просто посмотрел на него долго, тяжело. Потом кивнул в сторону Кайлана.

— Ты делаешь его опасным.

Слова повисли в воздухе. Кайлан замер, не дыша. Внутри что-то сжалось.

Миро усмехнулся — той самой едва заметной улыбкой, одним уголком губ.

— Я делаю его свободным, — сказал он просто.

Валдрен сделал шаг вперёд. Доспехи лязгнули. Лицо осталось каменным, но что-то в глазах изменилось — стало жёстче, холоднее.

— Свобода это иллюзия, — сказал он тихо. — Мир требует порядка. Дисциплины. Места для каждого. Ты учишь его не принимать своё место. Это делает его угрозой.

— Угрозой для кого? — Миро не двигался. Просто стоял, опершись о косяк, но Кайлан видел, как напряглись его плечи — едва заметно, но он видел.

— Для порядка, — ответил Валдрен. — Для короля. Для всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.